
Александр
КУПРИЯНОВ
Уроки чистописания
ДЕД
ПИХТО

Александр Куприянов

Дед Пихто. Уроки чистописания

«У Никитских ворот»

2025

УДК 82-3
ББК 84 (2Рос=Рус) 6.4

Куприянов А. И.

Дед Пихто. Уроки чистописания / А. И. Куприянов — «У Никитских ворот», 2025

ISBN 978-5-00246-691-7

Последний роман замечательного писателя и журналиста Александра Ивановича Куприянова (1951–2025) «Дед Пихто», так же, как и первая его часть, «Гамбургский симпатяга» (Издательство «Вече», 2023), написан в стиле мовизм. Повествование – сложное переплетение на первый взгляд малосвязанных между собой отрывков – воспоминания о детстве, об интересных людях, с которыми столкнула Куприянова жизнь, рассуждения о политике, о прошлом и о будущем, предвидения и даже фантасмагорические сны. Роман пропитан светлой грустью – которой не миновать, когда подводишь итоги. И Куприянову избежать этой нежной грусти не удалось; она, как легкий вечерний туман, размывает и радость побед, и горечь потерь. Маленькие пазлы складываются в удивительную красочную картину жизни очень неординарного, талантливого и мудрого человека. Он оставил нам свои книги, которые мы будем перечитывать вновь и вновь, поражаясь его озарениям и пророчествам.

УДК 82-3
ББК 84 (2Рос=Рус) 6.4

ISBN 978-5-00246-691-7

© Куприянов А. И., 2025
© У Никитских ворот, 2025

Содержание

Глава первая 6
Глава вторая 51
Глава третья 101
Конец ознакомительного фрагмента. 103

Александр Куприянов
Дед Пихто. Уроки чистописания

Экипажу переодеться по первому сроку!
Приказ командира корабля перед гибельным
штормом или смертельным боем

Надо жить так, чтобы люди держали память о тебе бережно, как держат в ладонях трепетную живую птицу. Если, конечно, ты сумеешь.
Олег Куваев

День сменяется днем, и эпоху сменяет эпоха.
Все приемлю, как есть, ни на что не пеняю судьбе,
Благодарно припомню за миг до последнего вздоха —
Все идут еще письма мои, Катерина, тебе.

Юрий Левитанский

Я скрою зависть. Буду улыбаться.
Я притворюсь, как будто я простак:
«Кому-то же ведь надо ошибаться,
кому-то же ведь надо жить не так».
Но сколько б ни внушал себе я это,
твердя: «Судьба у каждого своя»,
мне не забыть, что есть мальчишка где-то,
что он добьется большего, чем я.

Евгений Евтушенко

© Куприянов А.И., наследники, 2026
© Оформление. Издательство «У Никитских ворот», 2026

Глава первая
Антоновка

По утрам будит тяжелый звук колокола. Как будто мой сосед-печник Николай Иванович сердито бьет кулаком по́ столу. Перебрал, что ли? Николай Иванович бродит по нашим, заросшим люпинами, полям с металлоискателем, ищет запчасти от тракторов и сдает их на металлолом. Выпивает, конечно. Но уже не так азартно. В прошлом он танкист-афганец. Фамилия – Виснадулов, но все его зовут Колька Виснадул. 15 мая, в день начала вывода Советских войск из Афганистана, мы обязательно выпиваем вместе. Колька позвякивает медальками. В любой из двадцати деревень нашего Прямухинского околотка есть печки, сработанные мастером Виснадулом. У нас нашлись общие знакомые по Афганистану, командиры. Я называю его только по имени-отчеству, Николаем Ивановичем. Синими дымками печки Виснадула подпирают высокое, а нередко и звездное небо.

А он, тоже изредка, называет меня Игнатом.

– А вот скажи мне, Игнат! Эрдоган – он за нас или за пиндосов?

Мне это лестно. Игнатом звали лейтенанта, командира его экипажа.

Игнат остался лежать где-то за Кандагаром.

А пиндосами мы звали американцев.

Я просыпаюсь окончательно. Вслушиваюсь в тяжелый звук. Вспоминаю: так в пустом зале нерусской готики стонал немецкий орган. Но откуда здесь, в нашем захудалом, без малейших намеков на ИИ околотке орган? Металлоискатель или орган можно назвать гаджетом? Нет, все-таки колокол. Бьют служки к утрене в Прямухино, на Бакунинской колокольне, рядом с церковью, построенной в девятнадцатом веке архитектором Львовым. Он в нашей округе много чего понастроил. Звук до моей деревеньки плывет долго. Через две речки, Осугу и Вельгу, по холмам, поросшим круглыми кустами, издалека похожими на зеленые – летом – и золотые – по осени – шары. Крадется по тенистым лощинам, из которых наползает густой туман. Золотые шары в тумане. Словно кто-то, неведомый мне, пластами намазывает масло на куски хлеба. Завтракать, господа! В Прямухинской гармонии обитали дворяне. Бакунины, Львовы, Анна Петровна Керн и ее последний муж Сашка Виноградский, веселый корнет и бездельник. Анна любила его страстно и была верна Сашке до конца жизни. Завещала похоронить рядом. Ее не довезли. Река Великая разлилась по весне, и Анна нашла свой приют в деревне Прутня. Все женихи и невесты Тверской округи теперь везут на ее могилу белые астры. Я прижился здесь, неподалеку. И бываю в Прутне. Хотя я давно уже не жених. В порыве душевной щедрости Виснадул сказал:

– А что, Игнат? Присмотрим тебе справную бабенку? Я тут знаю одну, в Торжке… Светка! Поди плохо! Будет тебе *каклеты* жарить и *горжетку* с яблоками печь. У нас антоновки – завались!

Котлеты он называет каклетами, а шарлотку – горжеткой. Специально ломает язык, под народный. Николай Иванович много читает. Особенно любит журналы по пчеловодству. У него в хозяйстве несколько домиков-уликов. Виснадул – гулена и ходок. Женихов в деревнях не осталось. Сплетничают, что в каждой деревне у него по сыну и по дочке. Такие же рыжие, в конопушках, как он сам. Живет по-прежнему один. Не знаю – верить ли? Но к Первому сентября скупает ранцы и школьную форму.

Однажды обмолвился:

– Знаешь, когда мы были счастливыми? Только в детстве.

Виснадул сильно напоминает мне моего учителя жизни, Адольфа Лупейкина, старшину-матроса с дебаркадера «Страна Советов». Лупейкин был отменным бабником и народным философом.

*И*гольчатые лепестки астр с дождевыми каплями у скромного надгробья Анны Петровны Керн. Наволочка подушки под моей щекой влажная.

Вот уж не знал, что старики во сне плачут. Маленькие дети – да.

У них *животик пучит*. А старики?

Колокол наконец смолк.

Алибасов говорит мне: «Сегодня проснулся в четыре утра. Прислушался к себе… Слава Богу, болит не все туловище!»

ПДС (пометки для себя). У меня уже есть правнучка и правнук, Анастасия и Лев. Настю видел только на фотке. Она, с мамой и папой, живет в другом околотке, Американском. На берегу океана. Там и родилась. Левка живет на улице Изумрудной в Москве, неподалеку от Лосиного Острова. Уже топает и любит бороться со мной. Когда побеждает, задорно хохочет, басом. Ему нравятся незнакомые девушки. Впивается взглядом. Весь в прадедушку… Мы гуляем по тропинкам Лосиного Острова.

Правнук Лев

Правнучка Анастасия с мамой, моей внучкой Ниной

С внучкой Ниной в младенчестве. США

Мои пометки для себя я назвал пэдээсками. Как и эсэмэски, они возникают незвано. Так же внезапно в кущах Лосиного Острова на тебя нападают лосиные *липоптены*… Падают с веток. На латинском языке они называются Lipoptena cervi, оленья кровососка. Что такое СМС-сообщение? Человеческая нервососка. По сути, электронная щебенка. Пыль цифрового хлама, завалившего всех нас с ручками – с головками. В детстве мы так говорили про глубину омутов, в которые прыгали с бревенчатых мостков.

Замечаю, как Левка тянется к моему телефону.

Когда Лев подрастет, обязательно научу его разводить костер и ставить палатку. Если успею, конечно. Мне скоро семьдесят пять.

Мои пэдээски не дань моде. И, надеюсь, не *липоптена серви*. Книга написана в стиле катаевского мовизма. Поток мыслей, отрывочные воспоминания, цветок, засушенный между страниц поэтического сборника. Листочек, отпечатавшийся в янтаре… Клиповое сознание не терпит длиннот. Кто-то, из молодых, может, перелистывая страницы, читать только авторские пэдээски. Потом заинтересуется и прочтет всю книгу. А вдруг?

«Храбрый матрос никогда не плачет, Санька!» – сказал мне отец. Мне вырвали зуб в больнице, я сидел на мокрой траве городского парка и скулил. Отец вернулся из рейса. Со своей братвой он шел в единственный ресторан Николаевска-на-Амуре, городишки на краю земли. Ресторан «Амур». Кораблик отца – «Шторм». Пусть попробуют назвать их иначе… Отец в белом, парусиновом, кителе. Он забрал меня с собой, предупредив маму. Мама и отчим, Иосиф Троецкий, на нижнем базаре продавали лук. Мы жили бедно. Впервые я увидел официантку, у которой на голове, в кудряшках завивки перманент, белел кружевной кокошник, похожий на корону. «Вот она, царевна!» – понял я. Мне исполнилось семь лет.

В город мы приехали купить форму первоклассника. Мышиного цвета гимнастерку. Я приехал в штанишках с лямкой-помочью. Через плечо. На ногах маленькие галоши с красной, внутри, подкладкой. Галошки надо подвязывать веревочкой. Чтобы не соскользнули.

*О*чень многие писатели написали про свое детство. Да почти что все написали. Катаев, Олеша, Нагибин… Еще раньше – Горький, Бунин и Толстой. А рассказы Хемингуэя, а пронзительные воспоминания о трудном детстве Астафьева… Литературоведы придумали формулу: мол, в детстве закладываются основы характера человека, формируются его взгляды на мир… Ну закладываются, ну формируются… Приблизительно все. Человек развивается вместе с миром и становится другим. Но все время порывается писать про детство. Все первые повести начинающих писателей – о детстве. Часто и последние – тоже. Сейчас я пишу свой последний роман в стиле мовизма. Сегодняшние писатели в моряки и геологи не ходят. Все больше в кочегары и в охранники норовят. Еще в конторы по связям с общественностью. Иногда на кладбища – рыть могилы. Космонавтами и учителями стать не хотят. В фильмах, на смену комсомольцу Корчагину и участковому Анискину, пришли другие герои. Лысый охранник Игорь, почти дебил, в исполнении Юры Борисова, и проститутка Эни, узбекского происхождения. Фильм «Анора». На просмотре в Европе зал пятнадцать минут стоя аплодировал фильму. «Анора» завоевала «Оскары». Тема фильма – мерзавцы-русские. Нравственные уроды. Фильм заканчивается тем, что Игорь утешает обманутую Эни. На заднем сидении автомобиля. Во время «утешения» он пытается ее поцеловать, но она не дается. Проститутки не целуются со своими клиентами. «Ошеломленная, она рыдает в его объятиях». Так заканчиваются восторженные рецензии на фильм «Анора».

Даже у проституток есть свои представления о чести.

*Н*едавно перечитывал роман Александры Викторовны Николашиной, подруги молодости. Нашел: «Детство – это прогон спектакля будущей жизни, оттого оно так драматично. Все, что случается с нами в юные годы, повторяется потом, совпадая до мелочей в ощущениях, меняются лишь декорации, да уровень уже другой». Роман называется «Вершина круга». Похоже, Александра Викторовна права. Вы скажете: в круге нет вершины. Но Николашина доказала – есть! То есть, в детстве заложен код всей твоей жизни. Сначала по кругу, потом на вершину. Если сможешь.

Белла Ахатовна Ахмадулина в дневниках замечает: «Только мое раннее детство близко и интересно мне: в нем я была то, что теперь есть. Юность же вся ушла на менструации и на чтение плохой литературы. К своей и чужой юности я отношусь со скукой и брезгливо. Человек дважды живет в своем образе: в детстве и в зрелости».

Выходит, я живу в своем образе. А была ли юность?

Ахматова о Пастернаке: «Он награжден каким-то вечным детством».

*У*снул под яблоней, в полдень. Косынка-арафатка, которую носил на шее вместо шарфа, а на этот раз свернул и подложил под голову, стала влажной. Во сне я опять плакал. Мне казалось, что арафатка и куртка цвета пустыни придают мне мужественный вид. Не выли «Грады» над головой, никто не орал в ухо: «Баба-яга летит!» Баба Яга – дрон, летающий беспилотный аппарат, с зарядом. Не тащили в черных мешках *двухсотых,* погибших в бою воинов. К войне нельзя привыкнуть. Как к повязке на рукаве с буквой Z. Как к гречневой каше с тушенкой. Зуб вырвут, а кажется, что он продолжает болеть. Десантники в госпитале рассказывали, что во сне ноют ампутированные ноги. Ноги́ нет: ее оторвало миной. А нога продолжает саднить. Так и война. Бывалый солдат и храбрый матрос спят на войне в любую свободную минуту. В блиндаже, в окопе, на палубе и на лафете пушки. Но я не храбрый матрос. Мне только хочется казаться таким. «Казаться» и «быть» чаще всего не совпадают. Да и не чаще всего, а как правило. В книгах ты – один. В жизни – другой. Разница – как между *двухсотыми* и *трехсотыми*. Трехсотые еще могут вернуться в бой. Чаще всего они и возвращаются. Двухсотые уже никогда не вернутся. Наши павшие – как часовые. Точен Владимир Семенович Высоцкий.

Недавно узнал, что есть еще *пятисотые*. Отказники, попросту говоря – дезертиры. Они покидают окопы, бросают пушки и танки.

А разве в мирной жизни не так?

Зато я видел, как расписываются огненными очередями в чернильном небе морпехи. Они и матросы, и солдаты одновременно. В атаку ходят в бескозырках. Вот где, скажу я вам, настоящие уроки чистописания.

А ведь хочется в книге выглядеть так же, как в жизни.

*П*осле обеда спят младенцы и старики. Младенцы похожи на стариков. Не замечали? Они, лысенькие, морщат и без того морщинистые лбы и подкатывают маленькие глазки, как бы подернутые пеленой. Какие-то голубиные глаза. Или ангельские? Их жалко. И стариков, стоящих к аптечному окошку, жалко. Они стоят, сцепив зубы, словно готовы упасть на амбразуру. Кажется, еще немного – и они бросятся грудью на вражеский дот. Некоторые вступают в перестрелку с продавщицами, выглядывающими из-за аптечных брустверов. Глаза у ангелов соберутся в кучку, лобики разгладятся. А таблеток «Найз» и порошка «Нимесил»[1], как и пряников в песне Окуджавы, не хватает на всех. Лепский говорит: «Завтракаем таблетками». Лепский – мой друг. По жизни. А ведь бывали времена, когда мы с ним завтракали салом, черным хлебом и самогонкой. Случалось, что и шампанским с икрой. Лепский, в отличие от меня, прекрасно стреляет. Но он тоже не солдат и не храбрый матрос – он офицер. Служил два года замполитом в автомобильной роте. Расхристанная шоферня, с которой справлялся один человек – прапорщик с редкой фамилией Мачача. Мы были с Мачачей накоротке. Свои толстые пальцы, похожие на сардельки, прапорщик Мачача с трудом сгибал в кулак. Но сгибал. После лекции на тему «БАМ – стройка века», которую я читал по просьбе замполита Лепского, мы с Мачачей пили самогон и закусывали вялеными колбасками. Мачача называл их *полендвицей*. Мачача вел свою родословную из Витебска. Как Марк Шагал. Сходство колбасок и пальцев слегка напрягало. Но лишь слегка… БАМ строился. Тематика моих лекций расширялась. Иногда прапорщик просил провести политинформацию. «На какую тему?» – спрашивал я. Мачача отвечал: «Тема? Африка пробуждается! Каждый пятый пиндос – безработный. Каждый третий – наркоман!» Америку Мачача называл Пиндостаном. Неизменно добавлял: «Флаг им в руки! И болт в кузов!» А влюбленные Шагала все так же летели по небу.

Мачача меня сильно удивлял.

Он знал подлинное имя Шагала – Мовша Хацкелевич.

Америку по-прежнему, не только автороты, стройбат, танкисты и штурмовики ВДВ, зовут Пиндостаном. Я много раз бывал в Америке. У меня там бывшая жена живет, дочка, внучка, а теперь еще и правнучка. Повторы в мовизме – неизбежны. Привыкайте. Это вершина круга. Главное – не надоедать читателю, не раздражать его по мелочам. А тут вам не мелочи. Америка, между прочим, великая страна. Кто сказал, кто сказал… Я говорю. Байден был президентом Пиндостана. А Трамп – президент Америки. Нашего президента он называет крутым парнем. Это очень по-американски. Заметили, когда они встречаются и протягивают друг другу руки, Трамп все время норовит как бы притянуть Путина к себе? Путин еще ни разу не поддался. Даже в последнюю встречу, на Аляске.

Аляска, давай-давай! С Богом!

*Н*ад головой, на ветках, дозревала антоновка. Казалось, что изнутри яблоки светятся *тихим светом*. Сквозь плоть плода проступали контуры зернышек. Виталий с Ксенией завели мой джипчик по прозвищу Гнида и отправились в соседнюю деревню, к Ларисе Павловне, своей бабушке. В доме Ларисы Павловны я написал свой первый кинороман. Мне снился сон.

[1] «Найз», «Нимесил» – обезболивающие средства.

Я совсем маленький. У меня нет переднего зуба, я, и так картавый, еще и шепелявлю. Мама стирает в корыте белье. Отец в кителе мичмана. Он вернулся то ли с войны, то ли с учений. В моем сне – с войны. Дурачится и пускает мыльные пузыри… Неужели не видите?

Вот же они, вот!

Радужные шары.

Летят и переливаются на солнце, лопаются, в комнате повисает радуга! Вот она – ее можно потрогать руками! Опять не видите?

Да вот же она, вот! Так сверкает…

Никто не видит.

Отец, Куприянов Иван Михайлович, судоводитель

Мама, Куприянова Клавдия Кирилловна, учительница

В сгустившемся воздухе деревенской кухоньки клубится пар. В доме стирка. А радуга уже скользнула за порог в открытую дверь и коромыслом повисла. Через Амур, до голубых отрогов гор, даже летом покрытых снегом.

Вот что я вижу.

И вот что я вам скажу.

Такова сила вспышек моей памяти.

В раннем детстве. С сестрой Галей. Середина прошлого века

С сестрой Галиной Ивановной. Конец прошлого века

ПДС. Как все-таки хорошо писали Катаев, Паустовский, Нагибин! А Гайдар и Довлатов? А Хемингуэй? Я же без содрогания не могу читать своих повестей. Две, от силы три страницы – и начинаю сердиться. Почему так плохо? Вот здесь надо поправить образ, вот здесь углубить мысль… А сейчас разве пишу лучше? Кто сказал? Белинский? Белинских давно нет. Есть Басинские. Но Басинский пишет про Толстого и Горького. Когда читаешь Басинского, все время ловишь себя на гниловатой мыслишке, что Паша талантливо переписывает учебник по литературе для старших классов… Тут же бьешь себя по губам: молчи, дурак, молчи! Зато он пишет углубленно, приводит письма и документальные свидетельства. А почему ты бьешь себя по губам? Потому что Басинский получает премии, работает в федеральной газете, входит в

разные авторитетные жюри. Прочитает *твое* чистописание, обидится и кинет ответку – мало не покажется! В современном писательском сообществе, во всяком случае – у нас в стране, процветает квадратно-гнездовой способ опыления. Известный, правда, очень давно: кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку… Мовизм, откровенное письмо, открыт тоже давно. Мовизм придуман не только для Катаева, Олеши и Эренбурга. Мовизм, как проза Довлатова, обманчиво простоват. Интересно: испытывают ли, хотя бы легкое, содрогание, когда читают свои книги, Прилепин, Варламов, Водолазкин, Сенчин и Яхина, самые премиальные сегодня писатели, наши современники?

Или они в восторге от своего творчества?

У каждого из вышеперечисленных есть по одному-два крепких произведения. У Прилепина – «Санькя», у Сенчина – «Елтышевы». У Яхиной – «Дети мои». У Варламова и Водолазкина – не припомню сразу.

*К*аюсь, до сих пор не могу запомнить, как правильно зовут Яхину. Газель или Гузель? Лепский мне однажды сказал, что прозаика с фамилией Буйда быть не может… А он есть – Юрий Буйда. Интересный, между прочим, писатель. Мы с ним работали вместе в секретариате «Российской газеты», когда Лепскому она еще и не снилась. То есть не Гузель Лепскому не снилась, а «Российская газета». Тогда ее называли *хасбулатовской*. Читал толстый роман Яхиной «Дети мои». Не знаю, за что ее так часто и злобно критикуют. По-моему, проза. Книги писательницы Яхиной называют *проектом* редакции Елены Шубиной, издательство АСТ. Таким образом, сейчас есть просто писатели, а есть писатели-проекты. Вот Юрий Михайлович Поляков, например, не проект. Недавно стал лауреатом Государственной премии. И Роман Сенчин вряд ли проект. Он слишком угрюм для проекта. Кажется, что он все время с похмелья. А вот Варламов – отлично подходит! Искристый взгляд, ректор Литинститута, интеллигентная бородка… Я с Юрием Михайловичем Поляковым знаком давно, знаю его позицию. Он, одним из первых, написал повести-взрывы. «ЧП районного масштаба», «100 дней до приказа»… Заслуженная награда. А с Варламовым я не знаком, но знал его отца, Николая Варламова, сотрудника Главлита. Он работал цензором в газете «Правда». Но дело тут совсем не в цензуре. Последний роман Варламова расхвален, обласкан критикой и отмечен премией «Большая книга». Искренне не могу понять – за что? Пришлось чуть ли не три раза перечитывать «Одсуна», чтобы понять, на чьей стороне автор. Чей это *проект*? Российский или украинский? Главные герои – Славик и Екатерина. Славик, спивающийся филолог-интеллигент, олицетворяет собой Россию. Болтливую, ленивую и пафосную, Россию-бездельницу. Катя – Жанна д'Арк украинского Майдана. Она на баррикадах. Красивая и сильная. Гордая. Почему она любит предавшего ее Славика, непонятно. Нашел статью профессора-филолога, доктора наук Алексея Викторовича Татаринова: «Раз молодой человек не сберег любовь, не смог удержать Катю, получайте народы – сначала Майдан, за ним Крым, потом СВО». Все?! Все. «Тут и любовный сюжет, и философия истории», – констатирует Татаринов.

«Большая книга» – государственная премия. Варламов написал также биографии Грина, Платонова, Шукшина, Розанова, Булгакова, Алексея Толстого, Григория Распутина. Тоже получал премии. Наверное, все-таки что-то не так… Не с премиями Варламову, а со мной.

А роман еще одного премиальщика, Водолазкина, «Лавр»?

Тоскливый путеводитель по Средневековью. Для туристов-лохов.

Ни одна из книг премий известных и важных, часто – государственного значения, не удивила меня, не восхитила, не обрадовала. И даже не возмутила. Разве что биография Пастернака в исполнении Дмитрия Быкова[2]. Отличная книга из серии ЖЗЛ!

Звонил Дмитрию, поздравлял…

[2] Дмитрий Быков признан в Российской Федерации иностранным агентом.

Что со мной происходит? Невежество, зависть, отсутствие чутья? Не знаю. Но ведь в то же время я зачитываюсь прозой Татьяны Толстой, Виктории Токаревой, Александра Кузнецова-Тулянина (роман «Язычник»), Валерия Залотухи (роман «Свечка»), Александра Анатольевича Ширвиндта. Из суперсовременных – Юрий Козлов («Новый вор»), Юрий Буйда («Прусская невеста») и Яна Вагнер («Кто не спрятался»).

Удивляюсь их книгам и восхищаюсь.

Завидую? Не без того. Но и радуюсь по-настоящему.

Встреча с подлинным талантом – настоящая радость. А проект – не проект… Какая разница? Лишь бы скулы от скуки не сводило. Как сказал однажды Юрий Михайлович Поляков, оценивая творчество одного из *раскрученных* писателей-проектов. Кажется, говорили о «Лавре» Водолазкина. Или о его «Авиаторе»? В «Авиаторе» почти все герои вдруг начинают вести дневники. Непонятно – зачем? Уже и фильм сняли. Тут, совсем недавно, осилил еще одну премиальную книгу, все из той же редакции Елены Шубиной. Книга Ильи Кочергина, называется «Запасной выход». Книга про то, как спивающийся писатель с женой-психологиней Любкой (он так ее все время называет – Любка) уезжают в деревню и берут на содержание старого коня. Он – конь, а не писатель – закончил свою спортивную карьеру. И его могут отправить на мясо. Писатель и его жена Любка коня спасают – в надежде на то, что конь в скором времени станет им подмогой в модной сейчас конетерапии. Или конской терапии? Как правильно? Может, жереботерапия? Несколько раз, неожиданно и не совсем мотивированно, описывается ужасный – черный и огромный – половой член старого коня. У меня глупый вопрос – зачем?! Это что, намек?! Господи, прости писателя Илюху Кочергина! Он себя в книге так называет – Илюха… И это все? Все! Еще объясняются причины запоя Илюхи. Чтобы запить, ему надо на что-то обидеться. В книге писатель действует под собственными именем и фамилией. То есть перед нами исповедь. Зачем она? Заканчивается все хеппи-эндом. Приезжает пациентка, конь прямиком из стойла направляется к ней, она его обнимает за голову и говорит что-то типа того, как ей не хватало коня… Хм.

Каждая семья несчастлива по-своему. Прав классик.

Разумеется, взгляд мой субъективен. И рискую я сильно. Обидятся мастера слова, возмутятся академики, патриархи и ветераны, Баки и Басинские вместе с Мединскими. И навешают мне… Ишь! Еще один Огрызко нашелся. Про разоблачителя В. В. Огрызко речь впереди.

На себя, дескать, посмотри!

И поделом. Слегка оправдывают два обстоятельства. Первое – читателю обещаны уроки чистописания. И второе – Катаев переводил слово «мовизм» с французского как плохое, неправильное письмо. Значит, отчасти и хулиганское. Я и себя не пожалею. Бессмертный «Дневник» Нагибина издается и издается. Пастернак: «Не знал бы никто, может статься, в почете ли Пушкин иль нет, без докторских их диссертаций, на все проливающих свет».

А помните, как заканчивается, Пастернака же, стихотворение «Разрыв»?

«А в наши дни и воздух пахнет смертью».

Чего уж теперь бояться. «Открыть окно – что жилы отворить».

Сегодня окно распахнуто ветром настежь.

*Е*ще я слышу, как падают антоновки и глухо бьются о землю.

Давным-давно Белинский назвал здешние места «Прямухинской гармонией». Поднимаю с земли яблоко. Оно светится изнутри тихим светом. Контуры зернышек проступают. Повторы в мовизме и в жизни неизбежны. Мы же влюбляемся не один раз? У меня есть друг, который женился много раз. Со всеми женами в хороших отношениях. Левушка Новоженов, телеведущий. Недавно расцеловались с ним в ресторане ЦДЛ. Но разве может яблоко светиться *тихим* светом? Тихо, на мягких лапах, крадется зима. Тихо, сплетая венок из зеленых трав, напевает любимая.

И не надо повторять – по ком звонит колокол.

Все уже знают, он звонит по тебе.

После окопов хочется в баню. И жаренной на сале картошки. Еще – пускать пузыри. Но больше всего хочется уснуть в саду, под яблоней. Сон мне снится всю жизнь. Он подробно описан в книге «Гамбургский симпатяга»[3]. Опус в стиле катаевского мовизма – внешне не связанных друг с другом вспышек памяти. Отрывки воспоминаний на разную тему. Должен признаться, книга неплохо продавалась. Спасибо издателю. Хотя напечатали не так, как хотелось. Текст набрали сплошным массивом. А нужно ведь отрывками, с пробелами. Такой набор ближе всего к любимому мовизму. «Дед Пихто» – продолжение «Гамбургского симпатяги». Исправление неточностей. Работа над ошибками. Есть прекрасная фотография: поэтесса Ахмадулина на балконе пускает пузыри со своим, говорят, возлюбленным. Или поклонником. Белла всю жизнь «обожала шары». И поклонник – не Евгений Александрович Евтушенко, не Юрий Маркович Нагибин. И уж тем более не Борис Асафович Мессерер. Совершенно другой человек. В жизни каждого, да почти у всех, главное остается за кадром. Курсив жизни. Детали, конечно, важны. Бог, как известно, живет в деталях. Но если мы не узнаем, кто пускал пузыри на балконе с Беллой Ахатовной, мы не поймем претензий дочерей Ахмадулиной, Ани и Лизы, к последнему мужу их матери, Мессереру, мастеровитому художнику. В книге Завады и Куликова осторожная Анна «жестко прошлась» по Борису Асафовичу: «Общайтесь с ним, пожалуйста, если готовы стать его биографом и бытописателем. Но учтите, это человек, который не умеет дружить и хорошо относиться к людям. Он дружит только с нужными ему людьми»[4].

С вдовцом Ахмадулиной мы как-то пересеклись, однажды, на церемонии вручения премии «Книга года». Мы совсем не знали Мессерера. Знали, что он хороший театральный художник и последний муж Ахмадулиной. Мы выдвигали альбом «Родом с Чистых прудов» про Нагибина. Борис Асафович – свою книгу воспоминаний о Белле. Надо же, где опять столкнулись два гениальных человека, Нагибин и Ахмадулина, отчаянно любившие друг друга! С каким-то недоумением Мессерер посмотрел на нас. Альбом делали несколько авторов, кучкой мы и держались на награждении. Борису наверняка сказали: «Вон они, твои соперники, из „Вечерки“». Первое место досталось Борису Асафовичу. Мы получили второй приз. Не очень-то и расстроились. По жизни кто кого обошел? Вне всякого сомнения, Ахмадулина. Даже сам Юрий Маркович признавал первенство Беллы в литературе. Хотя и *наш* Нагибин тоже не лыком шит. Американский «Оскар» за сценарий к фильму «Дерсу Узала», по версии итальянцев – «Лучший писатель Европы». В любезном Отечестве ни одной премии. Награды только за участие в Великой Отечественной.

С Беллой Ахатовной столкнулись однажды, случайно. В «Яме» Столешникова переулка. Так называлась пивная в полуподвале, «Яма». Ахмадулина стояла за соседним столиком, с Окуджавой. Они похмелялись. Мы, кажется, с Лепским, тоже. А что еще делать в пивной? Не Мессерера же читать. Пиво в Столешниковом, из-за нехватки кружек, многие пили из поллитровых банок. Черный ободок украшал резьбу на горлышке. Белла Ахатовна попросила у нас зажигалку. Мы готовы были отдать ей последний рубль, оставшийся от моего гонорара за первую заметку в «Комсомольской правде». Заметку набрали самым мелким шрифтом, нонпарелью, в нижнем углу на первой полосе. Называлась она поэтически – «Коси, коса, пока роса». Строк тридцать. Про сенокос в передовом совхозе. Заголовок придумал дежурный редактор, Слава Недошивин, питерский. Еще Недошивин ставил заголовок «Примерь косынку, поле!» почти ко всем заметкам на сельскохозяйственную тему. Прекрасный, скажу я вам, заголовок.

---

[3] Куприянов А. Гамбургский симпатяга. Живые стеклышки калейдоскопа. М.: Вече, 2023.

[4] Завада М., Куликов Ю. Цвет и тени Беллы Ахмадулиной. М.: Эксмо, 2023.

Через много лет Недошивин напишет отличную книгу – то ли для управдомов, то ли для экскурсоводов. Адреса домов и улиц, где жили великие поэты и писатели. Будет убеждать меня в том, что его книга – библиографическая редкость и отрывки из нее нужно, с продолжением, печатать в «Вечерней Москве». А почему бы и не печатать? Коси, коса, пока роса! Как все-таки многое рифмует сама жизнь.

С Ахмадулиной и Окуджавой в пивной стоял кто-то третий. Не помню кто. Но не Евгений Александрович, не Нагибин и не предпоследний муж Беллы – сын известного поэта Кулиева, Эдик. Эдик на много лет моложе Беллы Ахатовны. И мы понимали его. Нам тогда казалось, что в стране нет мужика, который может не влюбиться в Ахмадулину. В волшебные звуки, льющиеся из ее соловьиного горлышка. Во всяком случае не Мессерер, этот ревнивец, знающий, с кем дружить, и отгоняющий от поэтессы всех ее старых друзей. Он в той пивной просто не мог оказаться. А свою книжку про Беллу он еще не написал. И на балконе он с ней не стоял. И вообще, загадка – как он попал в череду блистательных оруженосцев Ахмадулиной? Окололитературная тусовка, однако, считает, что Борис Асафович стал для поэтессы ангелом-хранителем. А выбор поэтессы, как и друзей, мы не обсуждаем. Тридцать шесть лет вместе. К тому же вся богемная Москва знала – Мессерер никогда! То есть, он никогда не похмеляется.

Трудно представить, каково жить с таким титаном.

А на фотографии 1959-го или 1960 года Белла, счастливая, уже со своей знаменитой челкой, пускает пузыри со вгиковцем Александром Княжинским.

Белла Ахмадулина и Александр Княжинский пускают мыльные пузыри на балконе дома Финна

*Н*а балконе дома еще одного их дружка, Финна. Княжинский стал знаменитым кинооператором. Снимал «Сталкера» Тарковского, «Ты и я» Шепитько, «Подранков» Губенко. Был близким другом Шпаликова. Да и Павел Финн много сделал в кино, сценарист и режиссер. А потом Белла снялась и у Шукшина. Она Василию Макаровичу первые туфли и гал-

стук купила… Есть воспоминания очевидцев. Он же так и ходил по Москве в кирзовых сапогах. И Василием Макаровичем еще не был. Дружбы, любови Беллы?.. Кто ж теперь узнает. Мне почему-то кажется – не знаю, как Борису Асафовичу Мессереру – все эти киношники ее любили.

А она любила радужные шары.

*З*авада и Куликов в своей книге, в главе про жизнь Ахмадулиной, как бы подводят нас, читателей, к выводу. Нагибин завидовал дару своей юной жены, ревновал ее – «к любому косяку», пишут они. Белла – гений литературы, а Нагибин – ее ремесленник. И поэтому они разошлись, хотя и прожили вместе почти десять лет и любили друг друга неистово. Какие стихи написала Белла Ахатовна Юрию Марковичу на прощание!

Мне думается, что все гораздо проще и приземленнее. Оба пили, как не в себя, саморазрушались. Нагибин все время дрался по пьяни и Беллу Ахатовну, похоже, поколачивал. А в своем знаменитом «Дневнике» никакие счеты с ней он не сводил. Он написал об Ахматовой прекрасные строки.

Он просто первым понял, что любовь уходит. И не знал, что нужно сделать, чтобы сохранить любовь. А что сделаешь? Любовь или есть, или ее нет. Как и талант. Талант либо есть, либо ты его бездарно пропиваешь… Но вот что интересно: ни Ахмадулина, на Нагибин свой талант не пропили. Даже когда расстались. В последние годы своего творчества они написали свои лучшие произведения.

*П*осле выхода «Гамбургского симпатяги» читатели на встречах спрашивали: «А продолжение следует?» Причем спрашивали не только доброжелатели. Критиков тоже хватало. Вот такую тему ты не осветил, вот такую… Так ты шпион или нет? Дед твой, каторжник, царский офицер-дуэлянт или ушкуйник с большой дороги? Твоя большая любовь, Катрин, которая сбежала на острова Зеленого Мыса, – авторский вымысел?

Проверка на детекторе лжи в редакции «Экспресс газеты»

*О*твечаю по порядку. Никаким шпионом я не был. Хотя и общался со многими разведчиками. У нас просто профессии схожие. Встречался со Светланой Аллилуевой, дочерью

Сталина, Вацлавом Гавелом, первым президентом Чехии, с Севой Новгородцевым, радиоведущим. И с Виктором Суворовым (Резуном), предателем, автором мировых бестселлеров «Аквариум» и «Ледокол». С сэром Новгородцевым даже сотрудничал, на Би-би-си, в его популярной в те годы передаче «Севаоборот».

В студии Би-би-си с Севой Новгородцевым (в центре). Автор – крайний справа

*Н*айти документальные подтверждения того, что Кирилл Ершов, мой дед по материнской линии, был на самом деле гусаром по фамилии Офенбах, не удалось. На месте заимки Кирилла, одного из первых в нашей деревне домишек, найдена серебряная ложка с гербом и монограммой «О-Ф-Б». Дед умел читать по-немецки, красиво гарцевал на колхозной кобыле и, первым в деревне, отправил свою дочку Клаву, мою маму, учиться в институт. Дважды зэк. Второй раз его сослали на Сахалин, как троцкиста, пособника анархиста Тряпицына и японского шпиона. Какая-то таинственная линия все-таки прослеживалась в нашем роду. Знаю совершенно точно, что дед со своими артельщиками продавали красную икру японцам. Японские мару, вертлявые шхуны, рыскали по Татарскому проливу и в Амурском лимане. Виляли кормой и бортами, как виляют бедрами прелестницы на известном морякам всего мира Репербане в Гамбурге. Я его плохо помню, деда.

Мой дед, Кирилл Ершов-Офенбах

*К*огда он вернулся из ссылки, он все время ходил в белой рубахе с воротником апаш, в галифе и хромовых сапогах. Скупо улыбался беззубым ртом и пил водку из хрустального графинчика. Мама выговаривала ему: «Почему вы не подаете на реабилитацию?» У нас в доме старших звали только на «вы». Дед поднимал вверх указательный палец: «Всем сестрам – по серьгам!» То есть он считал свое наказание справедливым? И еще он говорил, что всякий народ достоин своей власти. Но этого, конечно, я не помню. Узнал позже, когда поступил на факультет и мы с мамой спорили о культе личности Сталина и о стихах Евтушенко. Из нескольких писем, оставшихся от деда, я узнал, что свою жену, мою бабушку Матрену, высокую староверку в дымчатых очках, дед называл *майне кляйне*.

Моя бабушка, Матрена Ершова. Предположительно – перед ссылкой на Дальний Восток. Слева, по воспоминаниям, ее первый жених

В переводе с немецкого – моя крошка. А староверы величали себя *старочинными* и *семейскими*. Дед был озорной. Однажды он взял меня на рыбалку на правый берег Амура. Поставили перемет. Наживкой служили лягушки. Ночью припасенные заранее лягушки полезли из ведра и запрыгали по шалашу. Дед кричал: «Смерть-мать! Перекрыть дорогу к отступлению!» Председатель колхоза, дядя Коля Крутов, говорил мне, что Кирилл не просто партизанил. Он служил у Тряпицына в штабе. Рисовал карты местности.

*М*ыльные шары и лягушки, окрик деда «смерть-мать» стали моими первыми воспоминаниями. С моих глаз как бы сходила пелена. Сколько мне тогда было? Четыре года или пять

лет. Ложка с монограммой «О-Ф-Б» частично роднила меня с Офенбахами. Жили такие курляндские помещики в России. Когда пришла перестройка, все взялись искать свои благородные корни. Иванóв стал Ивáновым, Михалкóв – Михáлковым. Дед Ершов унес с собой тайну рода. Я не сильно переживаю по поводу корней. Тем более что бабушка Матрена, язвительная училка, говорила про людей, возомнивших себя не конюхами, а *конюшими*: «Увидала ж…а свет!» Редакторы «Гамбургского симпатяги» неоднократно указывали автору на избыточное употребление сомнительных словечек в тексте *мовического* романа. Сразу предупреждаю: мата в моей новой книге не найдете. А народные слова – куда же без них! – я только обозначу начальными буквами и отточиями.

«О-Ф-Б» тоже ведь всего-навсего три буквы.

Про маты. Ахмадулина заглядывает к Евтушенко на дачу и спрашивает: «Как, Жень, поживаешь? Все пишешь Чили-хуили?» Утонченная, вся пронизанная светом, вся на выдохе Белла… Евтушенко в то время писал поэму «Голубь в Сантьяго». Про эпизод, вернувшись с прогулки, Белла, смеясь, рассказывает шестнадцатилетней дочери Лизе. Дальше – из книги Завады и Куликова, которая цитировалась выше: «Заметив, что я замерла в изумлении (подумала: не ослышалась ли?), мама довольно нахально решила преподать мне урок: „Что ты так смотришь? Бывают ситуации, когда без матерка не проживешь“».

Да, не проживешь… Много таких ситуаций. Евтушенко и Ахмадулина уже развелись. Но продолжали встречаться. Евтушенко обиделся. «Голубь в Сантьяго» была его любимая поэма.

ПДС. «Фейсбук»[5] породил болезненные явления. Его оккупировали не блогеры, а *мудаки*. Не возмущайтесь – это совсем не табуированное, а широко применяемое слово. Обратимся к словарям. «Мудак – человек, который грубо демонстрирует жизненную философию примитивного альфа-самца». Понятно – все-таки жаргон. По большому счету мудизм – отношение к другим людям. Хорошо знаю такого. Спрашивает: «Ты хоть знаешь, сколько у меня френдов?» Пробит «Фейсбуком» насквозь. Сколько может быть у человека настоящих друзей? Мне кажется, два, от силы – три. Собутыльников – много, друзей – единицы. У фейсбуковца, по его словам, тысяча! Если он захочет накрыть френдам поляну с выпивкой и закуской – у друзей так принято, – то как он это сделает? Он им просто в сети поставит лайк. Проставить тысячу лайков тоже непросто. И потом, мудаки не ставят лайки. Они в основном отправляют «в игнор», банят и троллят. То есть травят. А сам фейсбуковец, при расчетах в ресторане, скуповат. Замечено друзьями. Когда-то бывал у него в гостях, какие столы накрывала его жена, любимая всеми красавица. А скуповат почему? Потому что все время играет в армейскую дедовщину. Словно мы – его денщики. А он – генерал от инфантерии.

Ущемленность возникает в характере многих пользователей социальных сетей. Они считают, что достойны бóльшего. Поэтому им нужны тысячи френдов, которые поставят лайки. Нужны денщики и ординарцы.

«Фейсбук» – это журналистика прямого обожания. И прямой злобы.

Настоящим мудаком стать сложно. В своем безразличии, неуважении, презрении, ненависти, зависти и злобе он должен выделиться из толпы *юзеров*. Вот тогда сами френды и назовут его мудаком.

*П*опискивающие и подсвечивающие гаджеты… Они подглядывают за мной из каждого угла. Знаю молодую особу, которая на ночь завешивает и заклеивает огоньки бытовой техники. На холодильнике, на телевизоре, на микроволновке. Спрашиваю: «Зачем ты это делаешь?» Отвечает: «Мне кажется, что они подглядывают за мной…» Мой планшет подслушивает меня. Он генерирует и присылает статьи на нужные мне темы. Правда, часто невпопад. И очень лживые. Их можно назвать фейками.

[5] Деятельность Meta (владелец Facebook) признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

Мы не устаем читать цифровое вранье.
Оленьи кровососки.

И о чем это я? Ах да! О первой любви. Как она появляется, куда уходит… Вот сейчас, когда читаете эти строки, спросите себя сами. Разве вы не потеряли свою первую любовь? Горько признаваться. Память души неумолима. Под утро, когда стекло в окошке становится мутным и седым, когда прилетает птаха и клювом осторожно, словно боится вас потревожить, стучит в стекло, разве не хочется рвануть в аэропорт на первой попавшейся пролетке, чтобы не связываться с узбеками из «Яндекс Такси», и немедленно улететь на далекие острова? Не *она* ли прилетала? Так мучает любовь, что прошла мимо. Покинула тебя… Долг любви не оплачен. Мне еще придется вспомнить испанку Хулию Лючию Родригес, танцовщицу фламенко. И наш с ней жаркий поцелуй на площади в Барселоне 5 января. Ясно? Даже дату помню. Мне еще придется вспомнить фотокорреспондента по прозвищу Свара, который сорвал с себя крестик и протянул его афганке-красавице. Она бросилась к нашему танку – мы уходили из Афганистана, хотела подарить букетик фиалок. Споткнулась и упала, разбила в кровь колени, фиалки только хрустнули под гусеницами рычащего танка. И тогда Свара спрыгнул с брони и протянул ей свой крестик…

Зачем он ей, мусульманке, наш православный крестик?

Ну хорошо… Хотя чего тут хорошего? Продолжить писать о себе. Как? У Фаины Раневской: «Воспоминания – это богатство старости. Писать о себе плохо – не хочется. Хорошо – неприлично. Значит, надо молчать». А куда девать графоманство? Зависимость от белого листа сравнима с алкогольной зависимостью. Все время хочется добавить… Раневская много чего наговорила. Мне нравится: «Не имей сто друзей, а имей двух грудей». И еще: «Стареть скучно, но это единственный способ жить долго». Ирина, главная героиня романа Александры Николашиной «Вершина круга», первый раз полюбила по-настоящему зеленоглазого Валерушку, хвастуна и обманщика. И она его потеряла. А потом и сама погибла. Еще в школе я заметил, что красивые девчонки любят не отличников-ботанов в очках, не наглаженных комсомольцев с прической полубокс, а отъявленных хулиганов и двоечников. А уж потом, повзрослев, обзывают их негодяями и лузерами. Николашина в «Вершине круга» вывела меня главным мерзавцем. (Переодеваюсь *по последнему сроку*. Перед тем, как уйти на дно. Здесь начинается мое чистописание.) Все друзья сразу и узнали. Ирина, героиня романа, пишет стихи своему негодяю. Вот они: «По каким, по каким лугам твоя мать собирала травы и варила дурман-траву – и зеленые горькие листья наполняли дом ароматом? По каким, по каким морям твой отец бороздил просторы – и дрожали зеленые шторы на окне капитанской каюты… Уместилась в твоих глазах вся бездонная зелень мира…»

Стихотворение называется «Любовь моя, цвет зеленый…».

Да после таких стихов вы меня хоть Киркоровым назовите!

Не знаю, он уже занесен в списки иноагентов?

Или опять успел выйти в другую дверь?

*О*дна моя хорошая подруга – фамилию называть не смею, не моя тайна – рассказывала, что влюбилась, пятилетняя, в мальчика на два года старше ее. Влюбилась по-взрослому. Она уже умела читать. А мальчик не умел. Вернее, читал плохо. Зато был похож на Купидона. Вся голова в локонах. Он читал по слогам, по строчкам водил пальцем, а она смотрела на него во все глаза и страшно переживала за него, прощала ему все запинки и мычание… Так ей хотелось, чтобы он читал лучше ее! Когда ей исполнилось восемнадцать лет, она увидела его, пьяного, у винного магазина. Он свалился возле крыльца. Она узнала его по золотым кудрям. Посадила на ступени. Он попросил купить ему водки. Она купила четвертинку. Купидон одним махом сорвал бескозырку – так тогда называлась жестяная крышечка – и «с горла» выпил чекушку.

Опомнился и спросил: «Мы знакомы?» Она ответила: «Нет». Повернулась и ушла. Она знала дом, где он жил. Приходила к подъезду. Однажды ей сказали, что Купидон умер. От сердечной недостаточности. Все эти годы они не встречались. И что? А вот что. Все эти годы, прошедшие от книжки со сказками и ее подсказками букв, до трех ступенек в винно-водочный подвал, она его любила. Когда она рассказывала мне, я видел, что она его любит до сих пор. Известная и состоявшаяся, одетая в красивое черное платье с белыми бусами на женственной шее, с умницей сыном-студентом и с потрясающей внучкой, маленькой феей. С известным и влиятельным мужем, с любовником, порядочным человеком…

Пьяный в дымину Купидон на ступеньках подвала… Не знакомы ли мы?

Вот все это, вместе взятое, и есть первая любовь.

Инна Павловна Руденко в молодые годы

*Б*листательная журналистка Инна Павловна Руденко в интервью Лепскому на вопрос «Кому бы она позвонила на тот свет и что бы спросила?» отвечает: «Позвонила бы мужу. Он трагически погиб. Спросила бы: „Был ли он так же счастлив со мной, как я была счастлива с ним?“»[6]

[6] Лепский Ю. М. Сохранить как… или Остановка времени. М.: изд. «Искусство – XXI век», 2025.

Я знал Кима Костенко, мужа Инны Павловны. Мы с ним каждый день обедали в столовой редколлегии газеты «Культура». Он там работал ответственным секретарем. Ким, помимо острого и оригинального ума, отличался безукоризненными сорочками, галстуками и модными костюмами. Ветеран Великой Отечественной. Освобождал Прагу. Потом работал в Праге – собственным корреспондентом журнала «Новое время». Погиб, перегоняя служебную «Волгу» из Москвы в Прагу. У нас, в редакции «Вечерней Москвы», работает сын Кима и Инны Павловны – Павлик Костенко.

*О*стальное, что с нами случается позже, отголоски. Протуберанцы детства. Любовь бывает розовой, оранжевой, зеленой. С кудрями Купидона.

Прозаик Александра Викторовна Николашина по молодости была похожа на жену вождя татаро-монгольской конницы, сотника.

Александра Викторовна Николашина

*С*ергей Анатольевич Торбин, главный редактор газеты «Молодой дальневосточник», где мы все тогда работали, считал Александру шаманкой и роковой женщиной. Завистницы шептались, что из-за нее один мужик даже застрелился на балконе. Я работал заместителем Торбина в той газете, а Лепский – ответственным секретарем. Все трое мы были влюблены в Александру Штуцу. Такая у нее тогда была фамилия. Влюблены-влюблены… Чего уж теперь скрывать. Штуца написала очерк, он назывался «Мой пистолет на земле». Из-за этого очерка нас, всех троих газетных начальников и, разумеется, автора, чуть не уволили. В партийной газете «Тихоокеанская звезда» опубликовали заметку, осуждающую очерк Штуцы. Заметка называлась «Дифирамбы алкоголику». Торбин сказал: «Наколдовала, ведьма…» Считалось, что в очерке Александра романтизировала своего персонажа – лесоруба. Придала ему черты героев Джека Лондона. Сгустила краски. Мы почти всегда сгущаем краски, когда пишем о тех, кого любим.

Сергей Торбин в центре. Справа – его жена Галина Миронова. Слева Бари Алибасов. В квартире Куприянова

*П*росыпаюсь в четыре утра в палатке. Слава Богу, болит не все туловище. Дождь бродит по брезентовой крыше. Заигрывает со снежинками. У палатки обвисли крылья. Зима на мягких лапах крадется к нашему последнему бивуаку на таежной речке Анюй. Угли костра, конечно, погасли. И вдруг обжигает… Ни Сани Николашиной, ни Сереги Торбина уже давно нет со мной. Стоят на полке моей деревенской библиотеки книги Николашиной. По Амуру бегает белый кораблик-метеор, по борту название – «Сергей Торбин». Да ведь и сам я хвораю… А яблоки все так же, с *гэком,* бьются о землю.

Нет, нет… Все-таки не яблоки.

Колокол на Прямухинской колокольне.

Звук плывет долго и печально. Так звучит орган.

Как будто кто-то, как из колодца, выкачивает душу пожарным насосом.

*О*тец умер рано. Ему еще не было сорока. Он умер в море, на своем кораблике. Такие катера-буксиры на Охотском побережье называются жуками. Мой первый роман – «Золотой

жук». Вообще-то жук – суденышко, порядком закопченное. Виктор Петрович Астафьев посоветовал назвать роман не «Золотой жук», а «Жук Золотой». Инверсия усиливает образ. Астафьев рукопись читал. Роман номинировался на премию «Русский Букер». В лонг-лист прошел под номером тринадцать. И здесь, как назло… Тринадцать! Чертова дюжина. Двенадцатым шел Ираклий Михайлович Квирикадзе – замечательный прозаик и режиссер.

Нет никакого тихого света. Тихо плачет во сне старик. Тихо и скупо улыбался мой дед, троцкист, враг народа и дуэлянт. Он организовал первую рыболовецкую ватагу на Нижнем Амуре. А уж потом они начали продавать икру японцам. Японцы, узкоглазые, говорили: «Кирирка! Поймай нам каругу! В каруге много икры». Кирилка! Поймай нам калугу! В калуге много икры. Букву «р» японцы не выговаривают. У человека, держащего в руке молоток, одна проблема – гвозди. У японцев их две. Они не знают букву «эл». И хотят отобрать Курильские острова. Так и говорят – *Курируы*.

Пусть яблоки в моем новом опусе светятся *тихим светом*.

Пусть простит мне читатель огрехи нижнеамурского стиля.

Как ни крути – порт Маго…

Так, «порт Маго», называет мои причуды в книгах мой бессменный редактор Екатерина Борисовна Рощина. И еще – если я что-то непотребное ляпну публично. Порт Маго многое объясняет. Как если бы про человека снисходительно заметили: «Что с него взять – гопота!..»

ПДС. В Европе человек полюбил женщину, женился на ней, она родила ему сына. Сын ушел на войну. В Азии человек полюбил женщину, она ему родила четырех сыновей. Потом он снова полюбил и женился. Второй, третий раз, четвертый… Все рожали и рожают! Видел однажды, как к самому дорогому магазину в Лондоне, «Харрэдсу», подъехал длинный лимузин. Из него вышли двенадцать женщин в длинных балахонах и в хиджабах. Последним вышел их муж, арабский шейх. Может мужик в Европе купить за один раз двенадцать норковых шуб? Шейх может. Сам видел, как упаковывали шубы. А также коробки с туфлями и платьями.

Европа никогда не сможет нагнуть Азию.

А вот еще одному моему хорошему другу исполнилось девяносто. Прикинь?! В день он может выпить бутылку виски. Наверное, все-таки легенда. Как и легенда – рассказ о том, что для выработки собственного стиля в журналистике он переписывал рассказы Хемингуэя. Я даже знаю, кто запустил такую легенду. Фамилию не называю. Потому что легенды возникают вокруг тех, кого любят. Но какая прекрасная тема для размышления! Может или выпивает? Почувствуйте разницу. Ее, разницу, знает только мастер нашего, только с виду незатейливого, дельца. *Поддатым* я видел его один раз в жизни. Тридцать пять лет назад, в Лондоне. Он получал гонорар за свою книгу «Русская рулетка» в агентстве знаменитого Эндрю Нюрнберга. Читаю в Интернете: «„Русская рулетка“, написанная ярким, знаковым публицистом Геннадием Бочаровым, издается в России впервые (2024 год. – ***А. К.***). Написана она по предложению респектабельного английского издательства „Хэмиш Хамильтон“ в 1989 (! – ***А. К.***) году и с тех пор издавалась крупнейшими издательствами Нью-Йорка, Парижа, Лондона, Амстердама, Вены и пр.»

«И пр…» – очень важно.

То есть на русском языке книгу издали спустя тридцать пять лет после написания. Опять почувствуйте разницу. Книга про наше вторжение в Афганистан. Первый, лондонский, гонорар был приличным. Мой друг сразу купил торшер. И мне понятно почему. Писатель всегда хочет *больше света*. В тот день в Лондоне дул сильный ветер. В мою машину коробка не входила. От магазина до квартиры корпункта идти недалеко. Бочаров нес торшер в высокой коробке, я медленно ехал рядом, вдоль тротуара. Его штивало с коробкой, как штивает матроса на палубе британского крейсера. Он шел в черной шляпе с большими полями, в прекрасном блейзере и

в серых, классических, английского кроя брюках. О штиблетах и говорить нечего. С Бочаровым очень любили беседовать в ближайшем пабе два моих знакомых лейбориста. Если мне не изменяет память, Бочаров тогда знал два иностранных слова – но пасаран. Он их произносил и вскидывал кулак. Я почему-то решил, что сегодня, в честь покупки торшера, Бочаров выпил.

Геннадий Бочаров – лучший репортер XX века.
Фото А. Пименова

Кажется, я ошибался. Его жена Таточка сидела со мной в машине рядом.

Отлично пишет до сих пор. Читает юным корреспондентам лекции. Официально назван лучшим репортером двадцатого века. Вообще-то он не репортер. Его очерки – настоящая русская проза. Только она документальная. Память, логика, чувство юмора… Все при нем. Никакой телефонной зависимости. Тремора в его пальцах я не замечал.

Когда идет по редакции, не пропустит ни одной студентки-стажерки. Говорит: «А вон пошла рыженькая. Рыженькие – они солнечные. Познакомь, только ненавязчиво». Человеку девяносто лет.

Прикинул?!

Я еще вернусь к друзьям в своей книге. Последнего, любителя виски, торшеров и солнечных практиканток, мы зовем Гек. Хотя на самом деле он Геннадий Николаевич. Чем старше я становлюсь, тем больше мичманский китель отца кажется мне адмиральским мундиром. Чем дольше я живу, тем чаще вижу вершину круга. А Чук и Гек – герои Гайдара. Сейчас приходится детям объяснять, кто такие Чук и Гек. Юнкоры из студии «Новый фейерверк» с восторгом рассказывали мне про Буратино и про Бабу-ягу. Оказывается, Буратино – деревянный мальчик с длинным носом. А Яга – опять прикинь! – как Гарри Поттер, летала на швабре. Они недавно узнали.

– Она летала в ступе, – ворчливо поправляю я, – а ступу погоняла метлой.

Неужели я дед-брюзга? Жаль, конечно, что не Кощей Бессмертный. И не Дед Пихто, персонаж народного фольклора.

Есть прекрасный ответ на вопрос «А ты кто?».

Кто-кто, Дед Пихто!

Мы с Бочаровым – два Деда Пихто. Он постарше, я помоложе.

За что так любят в народе сказочного Деда Пихто? Наверное, за то, что он является веселым выразителем мудрости народа. Мысль, подсказанная мне Бочаровым. Он много что подсказал.

ПДС. Как всякий нормальный графоман, я страдаю длиннотами в своих опусах. Почему-то мне кажется, что все мной написанное имеет ценность. Меня частенько заносит. Откровения из исповеди превращаются в склоку, в сведение счетов и в преувеличение собственной значимости. Но ведь я ставил перед собой совершенно другую цель! Нужен тормоз, холодный душ, нужен человек, который скажет: «А вот здесь – стоп!» Издал уже много книг и однажды понял: таким человеком, беспристрастным и строгим, может быть для меня Бочаров. Его авторитет непререкаем. Согласится ли он читать все, что накорябают шаловливые ручки? Пока соглашается. Благодарность моя не знает границ. Именно Геннадий Николаевич, прочитав кинороман «Истопник», первым сказал мне, что роман надо издавать не под псевдонимом, а под собственной фамилией. За все, что тобой написано, надо отвечать. Отдавая «Деда Пихто» фактически на цензуру Бочарову, я не переваливаю ответственность за написанное на Геннадия Николаевича. Но хочу, чтобы вы знали: многие, кто безвозвратно ушел из текста, должны поблагодарить за это Бочарова. Многие… Отсутствие в тексте совершенно не значит, что незлобивый автор забыл своих доброжелателей. Одного-то человека совершенно точно помнит. До сих пор люблю и уважаю этого мерзавца. Когда-то мы работали вместе и дружили. Даже в теннис играли парой. Рассердившись, он кидал в меня ракеткой.

Корабли в море расходятся.

Чтобы не потопить, в тумане друг друга. «Не бзди в тумане! – говорил учитель жизни матрос Лупейкин. – Подавай гудки!»

Что я сейчас делаю? Подаю гудки.

*П*оследний рассказ Дмитрия Бакина, сына Бочарова, написанный перед смертью, назывался «Нельзя остаться». Бакин включен в Мировую антологию прозы. Его рассказы и повести вышли во многих странах мира. У нас, в России, изданы всего четыре его книги.

Бакин и не остался. «Бабочка живет три дня, но зато в полете», – заметил Бочаров. По другому поводу. Старик, герой рассказа Бакина, говорит: «Вот и настал век, в котором не будет греха большего, чем честность».

Мы познакомились с Геком в «Комсомолке». Но я побаивался к нему тогда подходить. Еще бы! Трудно даже перечислить все горячие точки, откуда он привозил репортажи. Никарагуа, Лаос, Афганистан… А близко мы сошлись, когда они с женой Татьяной приехали в Лондон получать первый гонорар за «Русскую рулетку», книгу Бочарова про Афганистан, вышедшую в тридцати странах. Как два русских матроса в самоволке, бродили мы с ним по палубе Гайд-парка. Не теряя достоинства, вступали в дискуссии с лейбористами и неграми. Тогда их еще можно было называть неграми. Высокие, под два метра ростом, с фиолетовыми губами, красавцы афроангличане продавали жареные каштаны и толкали речи в защиту социализма. А для чего еще нужен Гайд-парк? Негры нам нравились. Вот еще один афоризм Бочарова. «Ницше полагал, что человек – это зрелище. Посмотреть и в самом деле есть на что. Не прощай нас, Господи!» Но не час гонорарного триумфа Бочарова и не его ораторское искусство вспомнились сейчас. И не пабы Лондона с их лакированными столами и обязательным пианино в углу. В нашей жизни многое остается за кадром. То, что потом пишется курсивом.

Дорога Джелалабад – Кабул. Мы уходим, Гек… Самое время оглянуться. На лице, на зубах, под воротником гимнастерки… Везде пыль. Цветы платанов – их здесь называют чинарами, – похожие на диковинных бабочек, кружатся и падают под гусеницы наших танков. Чинары сбрасывают свой последний цвет. Май. Рядом со мной, у башни, Сварцевич по прозвищу Свара («Аргументы и факты»), Ган («Вечерняя Москва») и бородатый Вадик («Комсомолка»). Вдоль дороги стоят старшеклассницы-гимназистки в синих платьях с белыми воротничками, под горлышко. Они бросают нам букетики синих фиалок. И они не скрывают своей радости. Они называли нас с тобой шурави. Мы уже не вернемся. Кто-то вспомнит нас? Нас обгоняет джипчик, похожий на юркий райкомовский газик. Только с открытым верхом. В джипе Бочаров, Мишка Лещинский, Борисович, собкор Первого канала. И дамочка в ладной форме цвета такыра. Такыр – пустыня в этой так никем и не побежденной стране. Дамочка, кажется, теледива с Би-би-си. Напросилась в попутчицы. У Гека перебинтован и торчит большой палец на руке. Как будто он все время показывает – а вот так, други моя: с присыпочкой! Джип тормозит. Бочаров кричит:

– Парни, не отчаивайтесь! Ну?! Хотите освежиться?

И достает фляжку в брезентовом чехле. И щелкает себя по горлу. Рядом с аортой. Во фляжке – виски. В аорте – тугая кровь. Вчера, в Джелалабаде, на переговорах с духами моджахеды-провокаторы долбанули из ручного гранатомета по модулю, где шли переговоры. Люстра упала рядом с Бочаровым. Счастливчик. Только осколком посекло палец.

Мы, ошалело, хором, хрипим с танка:

– Хотим, Гек! Конечно, мы хотим! И не только освежиться!

Англичанка с усмешкой смотрит на нас. Фляжка идет по кругу.

Чего прищурилась, моджахедка? Думаешь, не знаем, что уже освежилась?

Как тебя зовут? Джессика? Нет времени на медленные танцы, Джессика! Товарищи офицеры! Равнение на знамя! Экипажу одеться по первому сроку! Мы уходим, Гек… Перед последним маршем переоделись в чистые тельняшки. Всю ночь под гитару орали Розенбаума. «По первому сроку оденьтесь, братишки! По первому сроку. Положено в чистом на дно уходить морякам!» Или то была американка? Память… Годы берут свое. Волосы на голове у нее – цвета платины. От пыли. В штурмовых батальонах ВДВ американцев тогда ласково звали пиндосами. *Впрочем, их и сейчас так зовут. А Бочарова тогда все звали Гек. И командармы, и главные редакторы, и Джессика. Его и сейчас так зовут. Как пацана из бессмертного рассказа Гайдара. Тоже фронтового корреспондента. Все той же «Комсомолки». Мы уходим, Гек. Уходим… Если что, мы – не танкисты и не матросы. Геологи. Ищем платину. А курсив останется. И бабочки вечны. Даже если они забиваются в траки гусениц наших танков.*

Или это были мотыльки?

Мне еще остается вспомнить про Вовку, Свару. Он сорвал с себя крестик и протянул его афганке-красавице. Гимназистка бросилась к нашему танку – мы уходили из Афганистана навсегда – хотела подарить букетик фиалок. Споткнулась и упала, разбила в кровь колени, фиалки хрустнули под гусеницами нашего рычащего танка. И тогда Свара спрыгнул с брони и протянул ей свой крестик… В ответ она сдернула с шеи сниску бус. Он держал их в кулаке до самого Кабула. Круглые шарики зеленого камня.

Когда сгустившаяся после полудня пыль снова накрыла нас, я спросил:

– А зачем тебе, Свара, мусульманские четки?

Свара умел быть строгим. Мы с ним ходили на караван.

– А зачем ей, мусульманке, православный крестик? – ответил Свара.

Он не брился уже трое суток, и от него пахло потом и гарью.

Надо ли говорить, как пахло от нас.

А что остается нам, Гек?

Завидовать юным корреспондентам. Открыть мир и задохнуться от радости, купить торшер и пробираться по палубе крейсера, когда тебя мотает ветром от форштевня до фок-мачты (именно так: от форштевня до фок-мачты!), выпить натощак сто граммов отличного, солодового, виски им еще предстоит. И написать свою «Рулетку».

Мне кажется, что во сне я плакал от предчувствия… Нет, нет! Совсем не того, о чем вы подумали. Те, кто знает меня давно – Лепский, Геннадий Николаевич Бочаров и Валера Симонов, да тот же самый Алибасов, – просто рассмеются вслух, если им однажды скажут, что Купер отдуплился! Даже вслух и говорить не буду. «Цыгане шумною толпою толкали… паровоз!» Чем они толкали паровоз – догадаться нетрудно. Как и обещал выше, начинаю исправляться. Хотя и не совсем понимаю, как можно, выйдя из народных глубин, писать об этих глубинах без точных словечек, которые до сих пор расцвечивают речь моих героев. Если бы я пошел на губернаторские выборы в родной деревне, то слоган «Цыгане шумною толпою толкали *мягким местом* (видите – исправляюсь) паровоз» стал бы моим девизом. И меня бы избрали. Подавляющим большинством голосов. Кто у вас стал губернатором? Кто, кто – Дед Пихто! У нас нет глубинного государства. У нас есть глубинный народ. Он говорит на своем языке. Его, народ, не могут толком вычислить даже социологи. А в деревне нужен губернатор? Если он нужен, то моя мама была губернатором. Последние годы она работала председателем сельсовета.

В каком возрасте человек начинает задумываться о том, что он смертен? С младенчества – установили ученые. Ребенок ужасается неожиданному открытию: а ведь меня когда-то не будет! Как же так? Без меня поползет по веточке муравей. Без меня мой отчим, Иосиф, наберет ведро белых грибов. Пузатых боровиков с какими-то невозможно-бархатными шляпками! Маленькая девочка побывала на кладбище. Вечером задумчиво рассказала:

– Сегодня с бабушкой заезжали на похороны. Вниз не спускались…

ПДС. Деревенские дети любят процедуру похорон. С кладбища их везут в том самом грузовике с открытым кузовом, на котором везли в последний путь усопшего. Так до сих пор хоронят в деревнях. Там нет лакированных черных лимузинов. Грузовик назад идет быстро, его трясет на ухабах. Дети, радостные, орут и валяются в кузове. Сейчас повариха тетя Зоя выдаст им по куску белого хлеба и по запашистой сосиске. Поминки. Одной девочке, Кате, сосиски не досталось. Тетя Зоя сказала:

– Катя – городская… Они там и так каждый день сосиски трескают.

Катя от обиды заплакала. Шурка, соседский мальчишка, отдал ей свою сосиску. Катя откусила половину, а вторую половинку отдала Шурке.

А я и *вниз* спускался. Однажды потянулся высыпать горстку земли. И съехал в свежую могилу. Чур меня, чур! «Ой, не жилец, не жилец!» – запричитали бабки-кликуши. После казуса лет пятьдесят прошло – еще живой. Не очень верю откровениям: «Мне надоело жить… Сколько можно белый свет коптить!» Белый свет коптить не надо. И без того хватает вредных испарений. Но жить не надоедает. Надоедает врать. Революции происходят из-за того, что люди больше не могут врать. Но как только революция побеждает, начинают врать с новой силой. Несравненная Раневская: «Когда я умру, похороните меня и на памятнике напишите: „Умерла от отвращения“».

Фаина часто достигала просветления. Хотя и не была буддисткой.

*М*едицинский вертолет МЧС влек меня в гибельные выси. Сквозь тверскую пургу мы летели в московские метели. Синие московские метели, как поется в песне. Фельдшер Тимофей отогнул две трубочки, торчащие у меня из носа, протянул дымящуюся сигарету и сказал: «Иваныч, зобни…» И тогда я понял – выживу. Если выживу, мне останется главное – успеть

дописать. Меня стремительно везли на каталке в операционную. Хирург, молодой мужик, скуластый и с широко расставленными глазами, напоминал аватара. Только он был не фантомом, а реальным человеком. В голубом комбинезоне, почти как у космонавта, с подбритыми висками. Он доверительно говорил на ходу:

– У тебя, отец, два обширных инфаркта миокарда. Один ты перенес на ногах. Я тебе проведу стентирование. Спасу от смерти. Ты все будешь слышать. Операция без анестезии. Я общаюсь с коллегами. Не обращай внимания. Мы часто шутим и переговариваемся по ходу операции. Когда плотники строят дом, они тоже говорят по-своему. Мы сейчас дом не строим, а ремонтируем.

В общем – Чили-хуили.

Я дом строил. Мне было шестнадцать лет. Подмастерье на подхвате. Подай-ка, брат Елдырин, ключ четырнадцать на двенадцать… Ну, если не ключ, то пилу-ножовку. Плотники разговаривали *по-своему*. Дом они не строили, а *рубили*. На том самом глубинном языке, который изучают филологи и фольклористы. И который не любят редакторы издательств. Брезгливо морщатся. Зато теперь я знаю, как рубить избу «в лапу», «в охряпку» и «в ласточкин хвост».

Впереди темнел коридор, о котором мне успел рассказать Валерий Петрович Симонов, еще один мой настоящий дружок. А не собутыльник. Как считает его супруга, смиренная Татьяна Клинская, дочь секретаря райкома партии. Хотя всякое случалось. И в ночное ходили.

*С*имонов уже побывал здесь по аналогичному случаю. Никаких кадров быстро промелькнувшей жизни и никаких знаков бессмертия я не заметил. И апостол Петр не брякал ключами у ворот. Там было темно и холодно. В конце коридора стояли отец-капитан и мама-учительница.

– Пузырей больше не будет, сынок. Все по-честному, – сказал отец.

Мама включила в коридоре свет. И вот тут-то все засияло. И над аватаром затеплился нимб, прямо над головой. И морщинистый Лик проявился на растрескавшейся доске. Долго же я шел к Нему. Но ведь дошел же? Меня коснулась легкая рука. Катрин стояла за плечом аватара.

В халате болезненной белизны. До рези в глазах. Она сказала:

– Не бойся ничего. Я тебя теперь никогда не брошу. Я вернулась с островов Зеленого Мыса. Только зовут меня теперь не Катрин, а Катерина.

ПДС. Имя Катерина в моем опусе возникнет не первый раз. И не случайно. Считается необходимым имя Катя использовать во всех русских сериалах. Не замечали? Да, еще: кино уже не кино, если там нет актеров Безрукова или, в крайнем случае, Цыганова с Юрой Борисовым. Нет медсестры или следователя НКВД, а лучше императрицы, по имени Екатерина. Куда нам, русским, без апостола Петра и императрицы Екатерины? Последние годы Розу Хайруллину, к месту или не к месту, стало модно снимать. Хайруллина харáктерная и замечательная актриса. Но неоднозначная. Как моя, под ноль постриженная, жизнь в интернате. Что тут непонятного? Вот и у Варламова в нашумевшем романе «Одсун» главную героиню зовут Катя. Правда, она хохлушка. Варламов – писатель премиальный. Он держит руку на пульсе современной литературы.

Пусть будет Катя. Без Катерины мое сочинение оскудеет. И не попадет в рейтинги. Его не выдвинут на «Букера» и даже на книгу второго плана. Голливуд без русских Кать захирел. Кому еще не ясно?

*Х*ирург-аватар как-то, показалось мне, хищно прищурился и щелкнул кнопкой катетера. Спал ли я сладостней, чем тогда, под яблоней? Видел ли я в жизни что-то радостнее мыльных

пузырей и контуров зернышек в антоновке? Не видел. И медсестра Катя приходит только один раз в жизни.

Тем Шуркой, которому на поминках досталась половина сосиски, был автор этих строк.

…*Н*о разве внутренний свет антоновок и мокрая от слез косынка не те самые пузыри, которыми всякий бытописатель расцвечивает свои сомнительные воспоминания? Мне хочется, чтобы мой опус прочитала не только Лариса Павловна. Но Виталий, его жена Настя и сестра Ксения. И хирург-аватар с фельдшером Тимофеем тоже. Аватар – электронная душа человека в научно-фантастическом фильме Кэмерона. Как бы образ сущности. Аватар жил на вымышленной планете Полифем. Мой аватар взял меня за кисть правой руки и сделал быстрый прокол в вене. Кто вздрогнул – не читайте дальше. Стентирование восстанавливает кровоток и расширяет сосуды сердца. Под контролем рентгеновского аппарата хирург продвигает катетер в сердечные сосуды к участку сужения. Пружинки остаются стоять в сосуде как гарантия восстановления кровотока. Не пишу про «бляшки» потому, что совершенно в них не разбираюсь. А ведь, честно, хочется написать – не разбираюсь *ни хера*! Но я тут же вижу укоризненную улыбку на лице моего второго многолетнего редактора – милейшей и образованнейшей Ларисы Владимировны Спиридоновой. Она пристально анализирует навязчивость обсценной лексики. Обсценной – табуированной. А Гнидой мой джипчик (любовно) прозвали потому, что он скачет по кочкам и может пробраться в самую волосатую чащобу мелколесья. Джипчик появляется там, где его не ждут. Как и табуированная лексика. Хотя, соглашусь, в глубинном языке есть свои погрешности. В Тверской губернии, где я пишу «Деда Пихто», говорят «не хота». Не хочется. И «хота» – хочется. Хота пожить. Даже с пружинками у сердца. И хочется написать еще хотя бы один киносценарий с главной героиней по имени Екатерина. Не обязательно императрицей. Следователь НКВД сейчас тоже покатит. Главное – показать кровавую сущность русской *гэбни*. Тогда и на «Оскара» можно замахнуться.

В деревенском доме Ларисы Павловны я писал и другие романы. В чеховской стилистике сказали бы: я столовался у нее и снимал угол. Никаких денег она с меня не брала. Изредка я покупал в дом конфеты или пряники к чаю. Зато мы часто говорили о литературе. В доме приличная библиотека. А там, где книги, для меня – заветная гавань. Для ремонта такелажа и пополнения запасов топлива, питьевой воды. Муж Ларисы Павловны, Борис Васильевич, был известным профессором, доктором технических наук. Преподавал в Московском авиационном институте и в Академии ФСБ. Он родился и вырос в здешних местах, и его считали самородком.

Профессор Борис Васильевич Рощин

Ксения Ракитянская

*П*олный профан в физике и математике, я пытался разобраться в его, мирового уровня, изобретениях. Между прочим, я до сих пор считаю, что электричество – направленное движение электронов – это когда маленькие шарики бегут по проводам. А разве не так? Наконец, запутавшись окончательно в нагромождении формул, я решил для себя, что профессор, в принципе, изобрел русскую *мобилу*. Тогда уже многие ходили, держа под мышкой пластиковый ящичек, похожий на пенал. Такими были первые мобильные телефоны. Еще мне нравилась фамилия их рода, жившего в старом крестьянском доме. Люблю книги и деревья. Дубравы и рощи. И маленьких детей. Виталик и Ксения, внуки Ларисы Павловны и Бориса Васильевича, Настя – подруга, теперь жена, Виталика.

Анастасия, Виталий и Ксения

На выпускном вечере с Виталиком Ракитянским

*О*ни тоже аватары. И тоже – в принципе. Аватары в один голос, на троих, закричали: «Иваныч! Курить-пить немедленно бросить!» Люди будущего. Из могучего царства TikTok и космоса телеграм-каналов. А где ставить запятую? Разумеется, после курить и пить. Ну, Настена – понятно, учительница. Она скоро заставит нас всех по утрам бегать трусцой. От Ксении не ожидал такого стерильного, как в операционной, вероломства. А Виталик уже забыл, кто ему объяснял, чем интервью отличается от беседы. Виталик сам на телевидении стал начальником. Теперь он объясняет своим корреспондентам, как правильно снимать *видосики*. «Но как же человек с неизбежной, как восход солнца, поллитровкой виски в день?» – ответил я моим пушистым зверькам-доброжелателям. Сами аватары не пьют и не курят. А мы все время

удивляемся, какая инфантильная у нас молодежь. Совсем не похожая на нас, целеустремленных. В вертолете МЧС, который нес меня из Твери в Москву, фельдшер Тимофей подпалил сигарету «Парламент» и дал мне затянуться. Навязчиво упоминаю об этом не красящем автора факте. Именно в тот момент я понял, что выживу.

Все мои друзья знают, что надо бросить.

Но почему-то хватает воли не бросать.

ПДС. Недавно на гуманитарном форуме в Душанбе заметил, что журналистские делегации из бывших советских республик совершенно перестали выпивать. Даже на вечерних приемах. И армяне не выпивали, и казахи, и русские… Озадачило. В прежние времена на таких сборищах вино лилось рекой. За дружбу народов, за наших отцов, за свободу слова… В конце концов – за нас, братья! При нынешнем, безвинном, застолье все веселились, танцевали, хлопали прекрасному исполнению местных певцов. Полад Бюльбюль оглы, экс-министр культуры Азербайджана и экс-посол, улучил минутку и пошептал мне на ухо: «Загляни ко мне в номер! Есть отличный коньяк!»

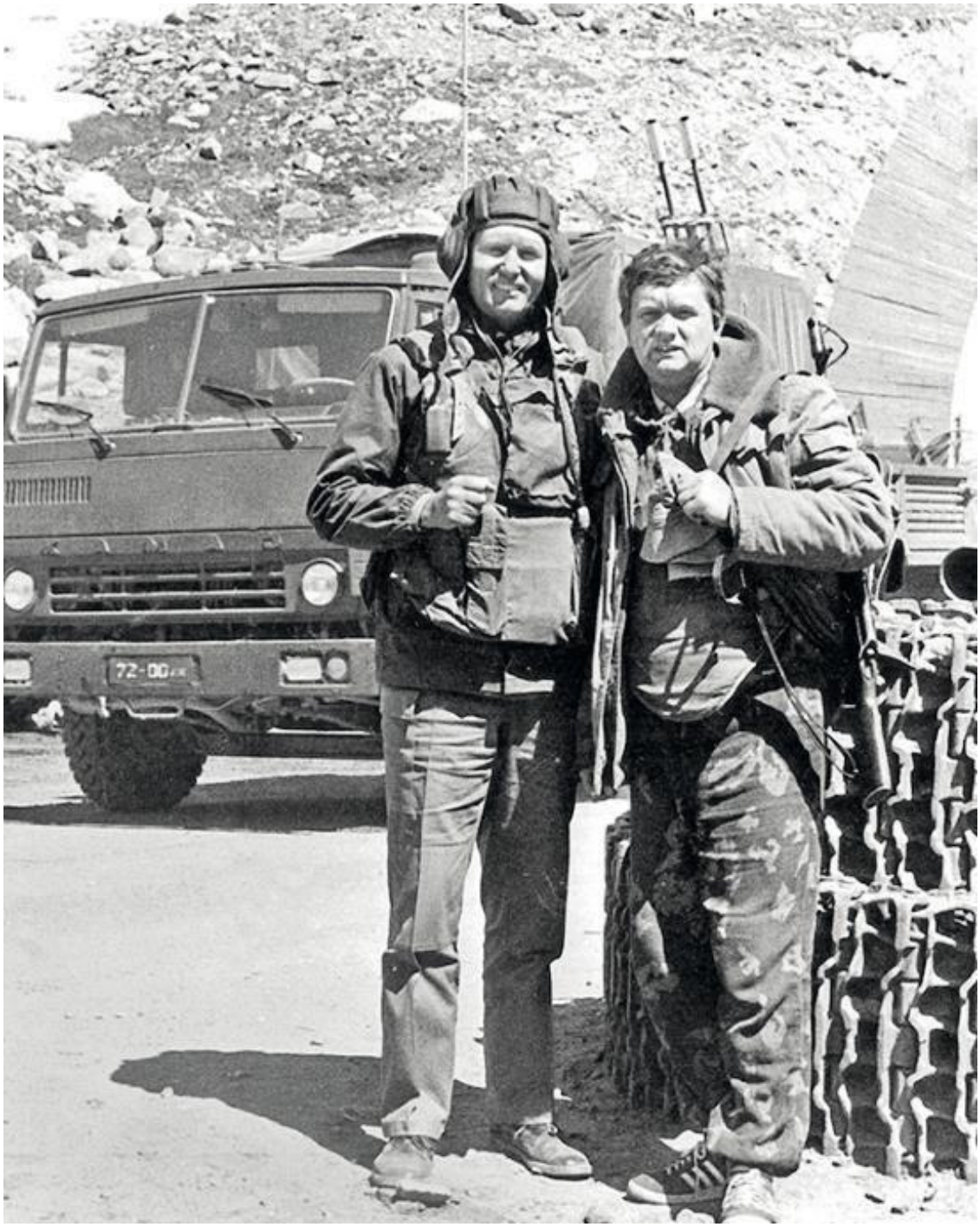
Его на этом симпозиуме чествовали и награждали высокой медалью Содружества Независимых Государств.

Нет! Не отсырел еще порох в пороховницах. Недавно Поладу исполнилось восемьдесят лет, и он – сенатор в азербайджанском парламенте.

…*З*ачем эти беглые и отрывочные записи?

Андрей Андреевич Вознесенский пишет: «Хочется хоть как-то задержать, сохранить от быстротекущего распада лица друзей, живые черты…» Андрею Андреевичу тоже – *хотя*. В своем новом опусе имена и отчества любимых писателей пишу полностью. Заметил, что мне все труднее подниматься с корточек. В печку дров подбросишь, сигареткой вкусно затянешься, выпустив дымок в бушующее пламя, а вот ловко вскочить на ноги, как бывало еще каких-то десять лет назад, уже не получается. Обязательно нужно на что-то опереться. По лестнице поднимаюсь, пришаркивая. Но тут понятно: пил, курил, болел… Помню анекдот. Бравый орел говорит взъерошенному воробьишке: «Ты чего, брат, такой задроченный?» Воробей понуро отвечает: «Пил, курил, болел!» Слово «задроченный» не требует лицемерных отточий и цензурной маркировки 18+. Специально проверил.

*Н*адо мною висят года. Как яблоки-антоновки. Иные подсвечивают зеленоватым светом так, что становятся видны семечки. Точные даты, невероятные события, встречи с удивительными людьми. Другие сверкают протуберанцами, но быстро гаснут на ветру. Годы-вспышки… Вот я на блокпосту у перевала Саланг в Афганистане.



На перевале Саланг с замполитом Баграмской дивизии подполковником Николаем Петровым

А вот на приеме у английской королевы. Вот пансионат под Лондоном. Светлана Иосифовна Аллилуева, дочь Сталина, уходит длинной галереей и улыбается мне, русскому репортеру и антисталинисту, на прощание. Есть года с медовым запахом. А есть те, что отдают горечью. Есть года, освещенные пламенем взрывов… Есть даже такие, что скрипят на зубах. Скрипела по дороге из Джелалабада в Кабул пыль, вылетающая из-под гусениц танков. Летели с чинар цветы-бабочки. Некоторые года выпали из памяти. Они, как яблоки-дички, с подгнившим бочком, валяются под ногами, и даже птицы их не клюют. Завтра собираюсь солить капусту. Два ряда антоновок заложу в бочку. Пробовали когда-нибудь на Новый год моченую антоновку из бочки с квашеной капустой? А вы попробуйте! В тот день, когда лопасти вертолета

стремительно влекли меня в гибельные выси, я с утра солил капусту. На календаре двадцать первое ноября.

А ведь совсем неплохо – *гибельные выси*?

*К*то вам так заблокировал телефон?

Наверное, белорусские хакеры?

Ваш сынок, которому всего три года?

Не может быть!

Писать для современного читателя надо именно так: короткие смысловые периоды, в несколько абзацев, сжатая строка. Вот и мовизм. Современному читателю некогда читать длинные тексты. Скучно и неинтересно. Он просто запутается в придаточных предложениях. В этих бесконечных «было», «стало», «шихся» и «щиюхся». Хорошо бы еще без запятых и заглавных букв. Как пишут в TikTok. Считается, что мовизм первым придумал Катаев. И в конце жизни написал свои блистательные романы. Один «Алмазный мой венец» чего стоит. Но сформулировал мовизм друг Катаева – Юрий Карлович Олеша. Еще в 1956 году. Почитайте его книжку «Ни дня без строчки». Олеша предвидел клиповое сознание. Между прочим, в сочинениях графа Толстого насчитывается до тридцати раз на одной странице использование слова «было». Граф славился нарушением литературных канонов. Лев Николаевич Толстой – первый блогер Отечества. Каждый день – пост в дневнике. Живой Журнал. Однажды он двадцать лет подряд играл в карты. С 1842-го по 1862 год. В своем дневнике назвал их «ужасные 20 лет». Проиграл дом в Ясной Поляне, лошадь, саблю… Коротко помечает в дневнике: «Проиграл последние три рубля…»

Гибельные выси Толстого!

В фильме по рассказу Хемингуэя «Снега Килиманджаро» писатель Гарри Смит произносит пророческую фразу: «Возможно, это зарождение подозрений, но тот факт, что самолет быстрее лошади, не обязательно доказывает, что мир становится чуточку лучше». Рассказ Хемингуэй опубликовал в 1936 году. Книгу «Ни дня без строчки» Олеша написал в 1956-м. Там же он заметил, что похожие мысли возникают у разных писателей в разное время и в отдаленных друг от друга местах. Поразительно! Они предугадали нашу зависимость от гаджетов.

Разве мир стал чуточку лучше?

*Н*аступало долгое утро в реанимации.

За окном прояснилась серая муть.

Под ботиночками девчонки с рюкзачком за плечами, в переулке напротив Таганского кардиоцентра, заскрипел ночью выпавший снежок. Вознесенский обмолвился: «Утро учит чистописанию». Продолжаю принцип, заложенный в «Гамбургском симпатяге». Принцип такой: имена героев и названия географических мест подлинные. Цитирую любимых поэтов по памяти. Иногда говорят – со слуха. Хотя и ставлю кавычки. Есть особое удовольствие в таком цитировании. Как будто тайно курнул в вертолете. Как будто сказал умную вещь. Кажется, что мысль принадлежит тебе самому. «Состав земли не знает грязи, все очищает аромат десяток роз в хрустальной вазе…» Из Пастернака, Бориса Леонидовича.

А снег под ногами пятиклашки не скрипел, а *картавил*.

Вот как бы я, одним словом, обозначил то утро в реанимации.

ПДС. Моя замечательная Лили, целительница, доктор китайской медицины… Олигарх заказал себе чартер и прилетел в Москву из другой страны. Его привезли на Каланчевку – здесь частная клиника доктора Лили. За два часа иглоукалывания она сняла ему сильную боль в позвоночнике. Олигарх знал, что жадным быть некрасиво. Но никак не мог себя пересилить.

Не будешь жадным – не видать богатства. Богатство само по себе требует увеличения. Но тут он себя поборол и сказал: «Хочешь, куплю тебе новую клинику?» Больница доктора помещалась на первом этаже обыкновенного дома, в объединенных двух квартирах. Доктор Лили много лет помогает интернату для слаборазвитых детей.

Легендарный врач китайской медицины доктор Лили

Доктор попросила: «Лучше купи мне сорок компьютеров». Олигарх не знал, что будут делать солнечные дети с компьютерами. Но купил. Знаю доподлинно. Потому что лежал на медицинской кушетке рядом с олигархом. И Валентин Иосифович Гафт лежал. Гафт сказал мне: «Прикинь, если все олигархи страны купят детям компьютеры?!»

В это время другой олигарх, Потанин, передал в дар, кажется, Эрмитажу, знаменитую картину Малевича «Черный квадрат». Стоимость покупки один миллион долларов. Я съездил в Питер, посмотрел. Ну, что я могу сказать? Настоящий квадрат. Черный. Тогдашний министр культуры Михаил Швыдкой отметил на пресс-конференции: «Подобное событие происходит впервые в истории новой России».

Чистописание в натуральном виде. И у Лили, и у Потанина. Не знаю, как у Швыдкого. Одно время бродил короткий, но злой анекдот: «„Здравствуйте!“ – соврал Швыдкой». Много лет знаю Михаила Ефимовича. Бывал с ним в поездках и на всяких форумах. А анекдоты, бывает, придумывают злые и завистливые люди. Швыдкой, сам отличный публицист, выручал много раз журналистов.

Чистописание мы проходили в младших классах. Я не любил уроков чистописания. Тетрадь для чистописания называлась *прописи*. Учительница, Раиса Федоровна Потеряйко, говорила: «Не нажимайте так сильно на перышко… Клякса будет!» Тогда мы еще писали перьевыми ручками. Я ничего с собой поделать не мог. Нажимал. И клякса появлялась. Надо было переписывать страницу на́бело. Рыдал безутешно. Я страстно хотел стать отличником. За кляксы в прописях ставили двойку. Я любил уроки чтения и пения. Раиса Федоровна убеждала нас: «Чистописание вырабатывает усердие!» Навязчивый, сейчас говорят – токсичный, перфекционизм появился во мне благодаря урокам чистописания. Мама вспоминала, что такая черта у нас от деда. Моя старшая сестра, Галина Ивановна, тоже все время сдувала

пылинки с полок и тумбочек. У меня абсолютное отсутствие музыкального слуха. Медведь на ухо наступил. А как же уроки пения? Оказывается, есть слух внутренний. В самодеятельном ВИА я играл на аккордеоне. Мечтал о белом рояле в доме. До сих пор мечту не удалось осуществить. Неизвестно почему. И деньги скапливал несколько раз, и кабинетный рояль находился… Пугала перспектива изучать сольфеджио. Успею ли? Настоящая мечта – только путь к мечте.

И вот позади полвека мечты.

Шанхай. Экскурсия в школу каллиграфии. Дети рисовали кисточку риса. Одну и ту же кисточку, обводя каждое зернышко. Упертые китайцы. Спрашиваю мастера с косичкой на затылке: «Зачем? Пять лет…» Мастер отвечает: «Другая моторика и другая усидчивость вырабатывается у детей. Отсюда другая философия труда!» Понятно. И другая религия. Конфуцианство, буддизм… Все дела… Но экономика Китая, безусловно, вышла на первое место в мире. В России, с насильственным внедрением ЕГЭ, чистописание отменили. Впрочем, уроки пения и труда отменили тоже. Не надо учить детей петь и выводить буквы. За все отвечают гаджеты. Плоские ящички со встроенными чипами и микросхемами. Гаджеты научились считывать даже наши *хотелки*. Планшет стал присылать мне рекламу яхт стоимостью в миллионы долларов. Неужели я мечтаю о яхте?

А как же духовность? Чехов, Станиславский и Достое-фф-ский?

Сейчас я вам скажу, наконец, и вы поймете, что такое счастье. Можете даже записать. Проснуться утром, после удаления тромба, и слушать, как картавит снег под ногами внучки в переулке. И, конечно же, ни с чем не сравнимое счастье – пускать радужные пузыри в лицо любимой женщины. Пусть она, счастливая, хохочет. А как ее зовут – Катя, Катрин, Лючия, Александра или Белла – совершенно не важно. Даже если и Клеопатра.

Мою маму звали по-деревенски Кланей.

А на римский манер она Клавдия.

…*Н*а днях прочел. В связи с дискуссиями о сомнительной роли ЕГЭ и после внесенных Госдумой в закон «Об образовании» поправок в школьном расписании ввели *новый* предмет – Труд. Для начальной и средней школ. Вдумайтесь! Новый предмет… То есть джойстиком дети и внуки владеют с двух лет. Китайские ребятишки пять лет рисуют кисточку риса. У нас дети не то чтобы табуретку – скворечник сколотить уже не могут! А зачем? Папа сколотит! Папа может… Надо, чтобы они умели правильно дроны запускать. Маленький Юрка Лепский – сын Лепского, похожий на грибок-масленок, – в три года воровал у отца телефон и так блокировал клавиатуру, что опытные айтишники не могли разблокировать. Программисты говорили: «Кто вам так забанил телефон? Наверное, белорусские хакеры?»

Белорусские программисты считаются лучшими в мире.

Игру «Танчики» придумали два белорусских парня.

Я отравлен репортерством. Тяжело фантазирую. Журнализмы лезут в мои тексты. Геннадий Николаевич Бочаров неоднократно указывал на этот недостаток. Вот зачем здесь бюрократическое словечко «неоднократно»? Хочется писать не вкривь и вкось, с кляксами. Хочется писать честную книгу. Хотя бы под занавес. Когда с капитанского мостика уже звучит команда: «Экипажу одеться по первому сроку!» Как писали на уроках чистописания. Не нарушать границ разлинованных прописей. Без вранья, кокетства, ханжества редакторов и изображения себя в выгодном свете. Без сведения счетов и вспоминания личных обид. И не задеть, походя, даже врагов. А уж близких и любимых – тем более. Как сказал капитан в больничном коридоре: «Без мыльных пузырей». А всю правду сказать не умею. «Но, даст Бог, я еще научусь», – спел Олег Митяев. Научиться писать правду, не думая о том, что кто-то будет читать твой текст, или

недовольно хмурить брови и править. Вот цель моего опуса. Поэтому «Уроки чистописания». Щелчок катетера в руках аватара. Опус – не поделка и не подделка. Некий жанр, который не имеет сюжета, границ и четких правил. Автор не может понять, где кончается правда и начинается вымысел.

Но антоновка… Она ведь все равно проступит зернышками. Человек не думает предложениями и абзацами. Мовизм – поток сознания, перенесенный на бумагу. Так течет река. Но не стоит думать, что все так просто и примитивно в мовизме. У реки есть берега. И бакены стоят по течению. «Поэзия должна быть глуповата… Но сам поэт не должен быть дурак». Первая часть фразы принадлежит Пушкину – в одном из писем, кажется, Жуковскому. Вторую дописала в прошлом веке удивительная поэтесса Новелла Матвеева. Дима Быков (иноагент) ходил у Новеллы в учениках.

*С*амый короткий рассказ написал Хемингуэй. На спор с друзьями. «Продаются детские ботиночки. Неношеные». На английском шесть слов: For sale: baby shoes, never worn. Хемингуэевский знаменитый подтекст. Недавно доказали: миф! Его запустил в 1991 году литературный агент Миллер Питер. Миллер утверждал, что якобы услышал историю в 1974 году от «хорошо себя зарекомендовавшего» работника газеты. Но я почему-то знаю: Хемингуэй написал такой рассказ. А вот сюжет, не требующий доказательств. Федерико Феллини поспорил с Тонино Гуэрра, что тот не сможет придумать полноценный фильм – с завязкой, кульминацией и неожиданной развязкой – длиною… в десять секунд! На следующий день Федерико получил листок, на котором было написано: «Женщина смотрит телевизор. На экране – трансляция старта ракеты. Идет обратный отсчет: 10, 9, 8, 7… Мы видим ее лицо, на котором отражается буря переживаний. На последних секундах она берет телефон и набирает номер. 7, 6, 5, 4, 3, 2, 1… И со стартом ракеты произносит в трубку: «Приезжай! Он улетел!»

Феллини достал кошелек и молча отсчитал деньги. Они спорили на двенадцать долларов. Сценарий Гуэрра написал за ночь.

ПДС. Никогда не мечтал стать космонавтом.

Ни-ког-да!

«Рассказывая о себе только хорошее, мы ведем себя как древние люди, которые поливали цветы, чтобы вызвать дождь, и украшали себя, чтобы задобрить богов. Женщины хотят признания прямо сейчас – за красоту, доброту, преданность. Мужчины хотят призвания и похвал за прошлые заслуги», – пишет в газете Ольга Маховская, под рубрикой «Приемная». Лично для меня Маховская – самый авторитетный психолог современности. Умница. Один нюанс. Я рассказываю о людях в книге, увы, не всегда только хорошее… О себе, кстати, тоже. В первую очередь. О моей последней книге иронической прозы «Гадина» (издательство «У Никитских ворот») моя постоянная читательница София К. сказала: «В ваших треш-повестях, как вы их назвали, слишком много грязи…» А в жизни ее, грязи, меньше? Последнее умозаключение принадлежит не мне, а Эмилю Золя. Так он ответил на подобный упрек. И не надо думать, что я себя сравниваю с Эмилем! Главный герой книги – человек по фамилии Купердонов. Позывной на Афганской войне – Пердон. «Пятый, пятый, я Пердон! Вижу бородатых…» В предисловии книги предупреждаю: Купердонов не автор, просто вымышленный персонаж. Но тут же добавляю, что самоирония очищает и избавляет от пошлости.

С какого возраста человек помнит себя? Ученые утверждают – лет с двух-трех. Оля Кузьмина, коллега и хорошая подружка, сказала, что помнит себя… с девяти месяцев! Быть такого не может! Она рассказывала отцу и матери, что с ней происходило в девять месяцев. И родители в ужасе смотрели на нее. Все сходилось. Все так и было, как она рассказывала. В девять месяцев она и говорить-то еще не умела. Какой-то мужик поведал Оле свой сюжет. Маленький,

годика в три, он залез под стол – к ним домой пришли гости – и уснул там на деревянной полке между ножками стола. К нему во сне пришла взрослая женщина. Она примостилась рядом и обняла его. Мальчику стало очень хорошо с тетей. Спокойно и тепло. Гости зашумели, запели песню. Мальчик в ужасе проснулся. Никого под столом! Он один. В сорок лет он встретил женщину из сна, узнал ее и женился. Женщина рассказала, как она приходила под стол к маленькому мальчику. Мужик промолчал. Не сказал, что она приходила к нему. А в девять месяцев Оля вспомнила себя на берегу моря. Белые дюны и белые же камни. Родители утверждали, что на море ее никогда не возили.

Кузьмина, конечно, фантазерка.

Но… я бываю на море именно в таком месте.

Белые дюны и белые камни.

ПДС. Как ты можешь помнить то, что случилось двадцать, тридцать, пятьдесят (!) лет назад, когда встречу недельной давности забыл начисто? Да что там недельной! Можешь вспомнить, какое было платье (или сарафан?) у твоей спутницы вчера в Столешниковом переулке и какими духами от нее пахло?.. Глупость, конечно, но я помню полные руки медсестры в роддоме, когда она несла меня к маме, положив мою головку на локтевой сгиб. Помню рыжие вожжи дяди Пети Малькова, когда он нас вез из больницы в деревню. Вожжи почему-то все время мелькали перед моими глазами, и колесо телеги противно скрипело. Я уснул. И проснулся в городском парке, на зеленой траве, увидев на ступенях лестницы отца в белом кителе.

Так не бывает! Как можно запомнить свой час рождения? Сюр, фантасмагория, бред старика… Ну… Допустим. Допустим, что соврал. Но есть истории позагадочней. Одну из них в своей новой книге «Вспомни Тарантино!» приводит замечательный Ираклий Квирикадзе. Его дальний родственник, студент-микробиолог в Берлине, Лука Месхи рассказывает Ираклию, что… помнит все девять месяцев, проведенных в материнском чреве. Они сидят в баре, пьют новозеландское вино. Квирикадзе пишет: «Пьянея от новозеландского вина, я хотел спросить: „Лука, врешь же?“ И я спросил. Удивила невозмутимость, с какой дальний родственник продолжал рассказывать эту невероятную историю».

Опять не верите? Москва, издательство АСТ, редакция Елены Шубиной, Ираклий Квирикадзе «Вспомни Тарантино! или Седьмая ночь на „Кинотавре“». Страница 56. Купите и прочитайте.

…*П*омню себя с мыльными пузырями, с мамой и с отцом. Мы, все трое, хохочем. Мне пять лет. Или четыре года? Пузыри лопаются.

В комнате повисает радуга…

Сколько раз я писал о радуге! И не устаю вспоминать. Надо сделать как-то так, чтобы повторы не мешали читателю и не раздражали редакторов.

Автор в детстве.
Такой маленький и ушастый, а уже «писатель»?

*П*очему-то я всю жизнь живу с чувством неизбежной потери… Почему? У меня, как и у всех, бывает плохое настроение. Например, поднялось кровяное давление. Или упало содержание сахара в крови. Или, я извиняюсь, с бодуна… Но никто из близких людей не может

назвать меня пессимистом. Я вижу, как отец в белом кителе спускается по деревянной лестнице из парка на пирс. С ватагой матросов они идут к своему бело-синему кораблику. Отец тогда ходил не на чумазом жуке, а на военном судне-гидрографе. Ему было тридцать лет. Они зажигали бакены на фарватере, маяки-створы по берегам, сверяли лоции… Мы с мамой и отчимом стоим наверху и машем морякам. Мама, кажется, косынкой. Сейчас они уйдут в лиман, а мы на неуклюжей лодке с мотором «Эл–6» вернемся в свою деревню. И вдруг я остро чувствую, что потеряю их всех. И маму, и отца, и отчима… Почему? Мне семь лет. Уже куплена прекрасная гимнастерка цвета корабельного дыма, отец через месяц пришвартуется к дебаркадеру «Страна Советов» и заглянет в гости. Отчим научит меня «крутить кино» и возьмет за грибами на Гектар. А мама разрешит наконец мне читать книжку про Робинзона… Счастье!

Я поправляю сбившуюся на плече лямку вельветовых штанишек, глотаю неизвестно отчего набежавшие слезы – отец сказал, что матросы не плачут. Мне хочется стать матросом, носить черные брюки клеш и заказывать у царевны с короной на голове борщ, коньяк и мороженое.

Чайки косо падают в волны Амура, выхватывая рыбешку.

Босыми ногами я чувствую холод вечерней росы на траве парка. Потому что галошки с байковой подкладкой спрятаны у мамы в сумке. А я сейчас примерю первые баретки в своей жизни. Купленные мне отцом-моряком в «Школе-магазине» на улице Лиманской. Недалеко от кинотеатра «Родина».

Почему? Ну почему я знаю, что потеряю их безвозвратно, моих самых дорогих и самых близких людей?

Откуда-то я знаю, что это навеки.

Постой, постой, капитан!

Не уходи! Эй, тебе говорю… Кричу уже!

Не останавливается. Идет себе. Походочка как в море лодочка.

Что-то насвистывает. И держит папироску на отлете.

Пахнет мазутом, смольем и пеньковой веревкой. У синего борта корабля судна закипает волна. Она свинцового цвета. И косынка в руке моей мамы трепещет на ветру. Как крыло чайки. И ленточки на бескозырках матросов…

И ленточки.

Знаете ли вы, что такое настоящие баретки?

Нет, вы не знаете, что такое настоящие баретки!

Две узконосых лодочки, которые повлекут меня по дороге памяти.

Нет. Точнее все-таки – по реке памяти.

Ведь баретки похожи на лодочки.

А река впадает в океан.

ПДС. Благословляю тебя, лодка моей памяти. Моя легкая оморочка, стремительная и надежная в бурном потоке! Ты не даешь мне перевернуться и утонуть в порогах забвения, на перекатах неудач и в заломах неправды. Туман и морок неверного курса минуют меня. Благословляю тебя, великая Река моего детства. Мне семь лет.

Я отталкиваюсь длинным и узким веслом от берега.

Мне еще плыть и плыть…

А капитан в кителе и учительница с косынкою в руке – бессмертны.

Они не умрут никогда.

Слышите?

Не умрут!

Глава вторая
Гибельные выси

Мы пробирались на тяжелых «Крузаках» в абхазский городок-призрак Акармара. Брошенные людьми поселения есть в Европе. И, кажется, в Африке. Ржавые фонари и скрипящие петли покосившихся ставней, деревья на крышах, лианы по стенам, выбитые окна… Первыми там встречаются дети пяти-шести лет. Они рисуют мелом на растрескавшемся асфальте солнышко с кривыми лучами. Иногда солнышко на тонких ножках. И с такими же ручками. Дети ничего не просят. Не улыбаются. Просто молча смотрят. Огромные глаза. Откуда они здесь? Несколько семей еще живут в городе-призраке. Им некуда бежать. Родители детей, похожие на рано состарившихся пилигримов, предложат тебе кувшин местного вина и глиняную фигурку колдуньи. В Африке – соломенную куклу вуду. В нее вонзают иголки. Обряд такой. Насылание порчи на своих врагов. Туристки из Нарьян-Мара и Когалыма верят в то, что здесь живут духи. Жители таких городков любят намекать на своих соседей, поселившихся на чердаках и в подвалах. Призраков и домовых.

«…о́слепительно снежным, и сомнительно нежным, мир останется лживым, мир останется вечным, может быть, постижимым, но все-таки бесконечным». Иосиф Александрович Бродский. Ранние стихи. Стихи про пилигримов, единственные из ранних стихов, которые он включал во все свои сборники.

Обязательно купите у них вина и куклу. Оставшимся в городке нужно как-то зарабатывать. Не просить же милостыню. Опрятное нищенство ютится в таких городках. В темных углах, заросших травой и паутиной, прячется печаль. Печаль просит милостыню у памяти. Хлеб привозит раз в неделю фургончик. Воды хватает своей. Вокруг Акармары хрустальные водопады.

В абхазском городе-призраке Акармара

Меня тревожило созвучие в названиях городка Акармара и фильма «Амаркорд» Федерико Феллини. Созвучие, конечно, приблизительное. Я знал значение слова амаркорд. Перевод итальянской фразы «я помню», как произносили ее в Римини, на родине режиссера. В амаркорде присутствуют корни итальянских слов «любовь» (amore), «горький» (amaro) и «нить» (corda). Слово «амаркорд» можно перевести как «нити горькой любви, связывающие с прошлым». Что связывает людей с покинутыми местами, если не нити горькой любви. А ведь еще есть город Аракатака, в котором вырос могучий Маркес. Акармара, Амаркорд, Аракатака… Чувствуете? Именно Аракатака стал прообразом городка Макондо, главного места

действия романа Маркеса «Сто лет одиночества». Габриэль Маркес, воспитанник интерната, спустя годы вернулся в Аракатаку. Он увидел брошенный город. Валерий Столбов, переводчик Маркеса, пишет: «К тому времени банановые короли, истощив окрестные земли, бросили Аракатаку на произвол судьбы. Мальчика поразило всеобщее запустение: съежившиеся дома, заржавевшие крыши, иссохшие деревья, на всем белая пыль, повсюду плотная тишина, тишина заброшенного кладбища…» У Столбова я узнал, что Маркес посетил город-призрак, будучи учеником школы-интерната. «Сто лет одиночества» мог написать только интернатовец. У детдомовцев и интернатовцев обостренное чувство сиротства. В романе Маркеса нет ни одного героя, кто не страдал бы от одиночества.

В мире есть два великих интернатовца – Пушкин и Маркес. Габриэль Гарсиа Маркес в возрасте тринадцати лет начал учебу в иезуитском колледже городка Сипакира, в тридцати километрах от Боготы. 1940 год. А что такое Царскосельский лицей? Школа-интернат для дворянских детей.

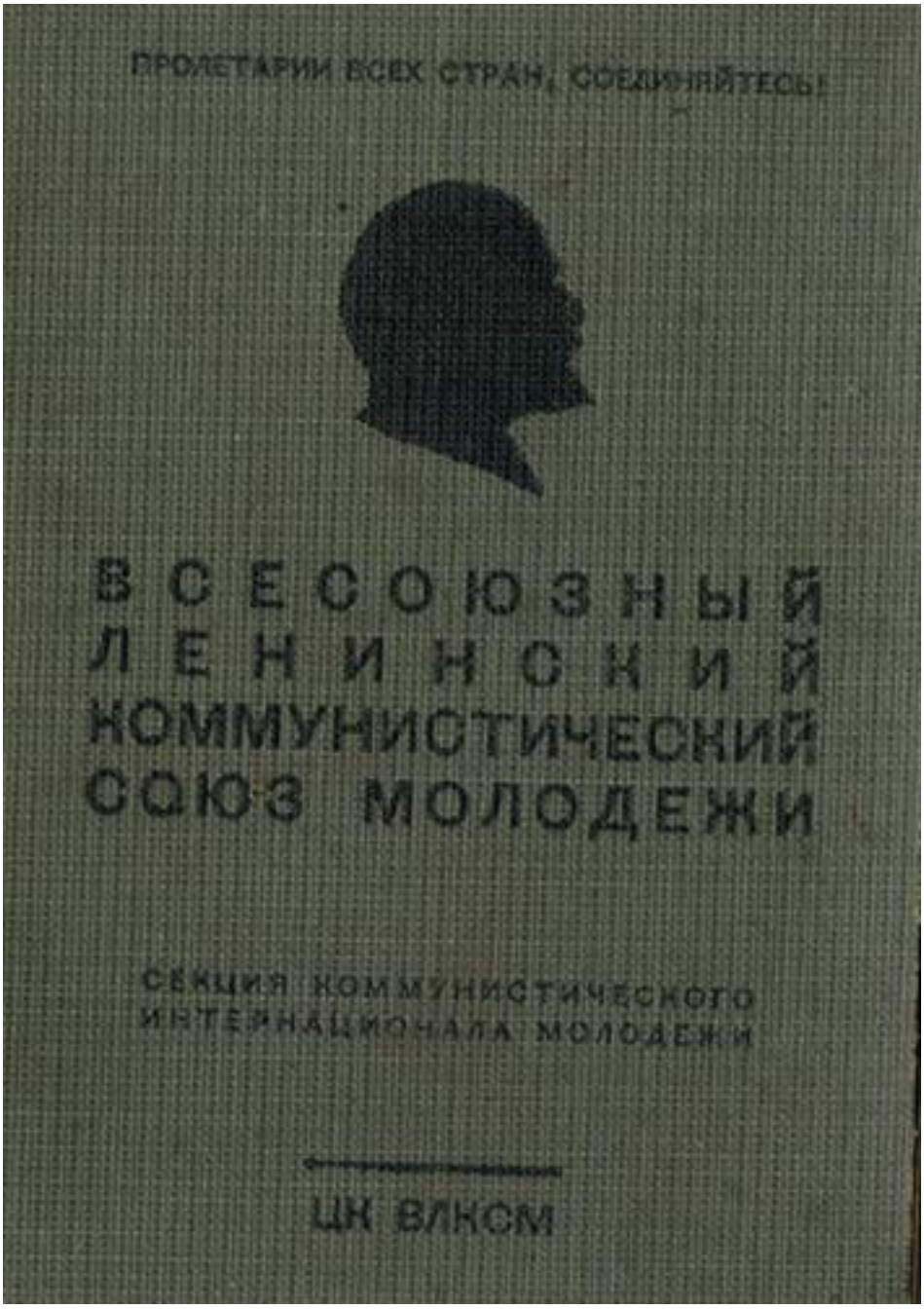
Я знаком с еще одним писателем-интернатовцем. Правда, он не такой известный, как Маркес и Пушкин. Жора Пряхин. У нас, в «Комсомолке», его прославила повесть «Интернат». Она была напечатана в журнале «Новый мир». В «Комсомолке» такого успеха было достаточно, чтобы прославиться. Мы передавали журнал друг другу… Потом Георгий Владимирович работал в ЦК КПСС, политобозревателем на Центральном телевидении, возглавлял издательство «Художественная литература». У Пряхина много книг и много внуков. Мои ранние опусы по три-четыре года валялись в издательствах. Издатели ждали денег от автора. У автора денег не было. Пряхин издал мой первый серьезный роман в издательстве «Художественная литература». Он назывался «Флейта Крысолова». Надо ли объяснять, как важно для меня слово в названии издательства – «художественная»?

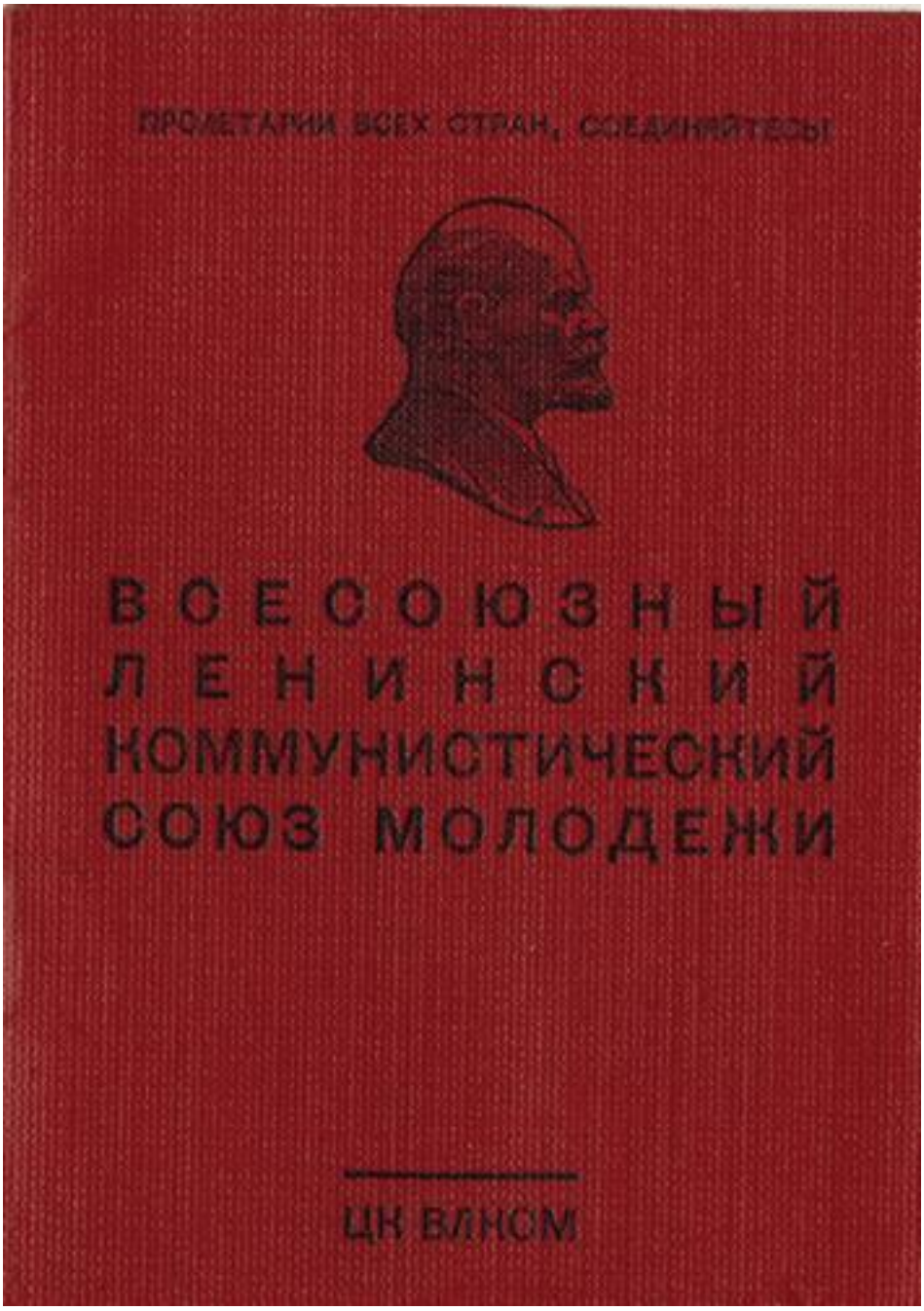
Автор повести «Интернат» Георгий Пряхин

И, чего уж скрывать, грела мысль, что сам я тоже интернатовский.

Правда, не такой известный, как Пушкин, Маркес и Жора Пряхин.

Интернатовские – цепкие по жизни ребята. Один стал гением – Пушкин. И мы не раз еще вернемся к нему. Другой – нобелевским лауреатом, Маркес. Он дружил с Геком. Ну… С тем самым, человеком-великаном, который, по живописной легенде с подробностями, может выпить пол-литра виски в день и не потерять человеческого достоинства. Габриэль Гарсиа Маркес с женою Мерсе́дес приходили в гости к Бочаровым. Пешком поднимались на шестнадцатый этаж: лифт не работал. «Екарный бабай!» – воскликнул бы мой деревенский учитель-наставник, матрос на дебаркадере «Страна Советов» Адольф Лупейкин. К эпизоду явления Маркеса в квартиру Бочаровых мы, наверное, еще вернемся. Но не обещаю. Вернуться к Лупейкину нас заставит сама жизнь. А третьего интернатовца, Жору Пряхина, пригласили работать в ЦК КПСС. Многие тогда считали, что ЦК КПСС – Олимп для полулюдей-полубогов. Коммунистический интернат. Я тоже так считал. В ЦК КПСС люди не работали. Там работали аватары. Сущности. Потом они приживались в разных администрациях. С одной, симпатичной богиней из коммунистического интерната, я познакомился накоротке. Она энергично репетировала со мной в уединенном кабинете Свердловского райкома партии столицы избрание Почетного президиума. По случаю какого-то славного юбилея «Комсомольской правды». Я отличался усидчивостью. Тут надо бы отдельно заметить, что в упражнении по избранию Президиума самое главное – постепенное повышение интонации. Особенно в финале фразы: «Предлагаю избрать Почетным Президиумом нашего собрания Ленинское Политбюро ЦК КПСС (внимание – вот здесь!) во главе с товарищем Леонидом Ильичом Брежневым!» Важно не делать пауз и заканчивать на бравурной ноте. Ставить точку. В огромном зале Кремлевского Дворца съездов, когда меня вызвали на трибуну для сакрального избрания Почетного президиума, от волнения и бесконечных, накануне, тренировок я опростоволосился и дал петуха. То есть, мой голос сорвался. Вот они – гибельные выси. Жиденьким фальцетом я прокричал слова, которые надлежало произнести пафосным басом. Ну или хотя бы мужественным баритоном. Вбить, как вбивают ударом молотка гвоздь, в тревожную тишину зала финишный аккорд. Крещендо! Постепенное наращивание звука. Фразу про человека с молотком в руках и его главную проблему – гвозди – мне подарил Геннадий Николаевич. У него много таких фраз. Говоря по-русски, я *обмишурился*. Зал взорвался аплодисментами и хохотом. Моя бабушка, носительница народных скреп, всегда спрашивала: «Что главное в жизни?» И сама же отвечала: «Главное, внучок, в жизни не обосраться!» О, как права была моя бабушка! С богиней из ЦК после моего оглушительного провала отношения окрепли. Горькая нить (амаркорд) не прервалась. Да, по чести сказать, не такой уж горькой она и была. А местами и вовсе восхитительной. Но тут уже другая история. Она имеет свои нюансы.


ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!
ВСЕСОЮЗНЫЙ
ЛЕНИНСКИЙ
КОММУНИСТИЧЕСКИЙ
СОЮЗ МОЛОДЕЖИ
СЕКЦИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОГО
ИНТЕРНАЦИОНАЛА МОЛОДЕЖИ
ЦК ВЛКСМ


ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!
ВСЕСОЮЗНЫЙ
ЛЕНИНСКИЙ
КОММУНИСТИЧЕСКИЙ
СОЮЗ МОЛОДЕЖИ
ЦК ВЛКСМ

Уплата членских взносов за 1945 г.

Месяц	Месячный заработок	Членск. взнос	Подпись секретаря
Январь			
Февраль			
Март			
Апрель	430		
Май	430		
Июнь	430	8-60	
Июль	430	8-60	
Август	525	15-75	Гершасова
Сентябрь	987	28-11	Гершасова
Октябрь	937	28-11	Гершасова
Ноябрь	525	15-75	Гершасова
Декабрь	525	15-75	Гершасова

Уплата членских взносов за 1946 г.

Месяц	Месячный заработок	Членск. взнос	Подпись секретаря
Январь			Гершасова ВЛКСМ
Февраль			Гершасова ВЛКСМ
Март			ВЛКСМ
Апрель			УПЛАЧЕНО ВЛКСМ
Май	525	15-75	ВЛКСМ
Июнь	525	15-75	УПЛАЧЕНО ВЛКСМ
Июль	669	17-07	
Август			
Сентябрь			
Октябрь			
Ноябрь			
Декабрь			

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ВСЕСОЮЗНЫЙ ЛЕНИНСКИЙ КОММУНИСТИЧЕСКИЙ СОЮЗ МОЛОДЕЖИ

КОМСОМОЛЬСКИЙ БИЛЕТ

№ 10635891

Фамилия Ершова

Имя и отчество Клавдия Кирилловна

Год рождения 1925

Время вступления в ВЛКСМ Февраль 1940 г.

Наименование организации, выдавшей билет Нижне-Амурский РК ВЛКСМ

Место для фотокарточки

Ершова

личная подпись

Секретарь Райкома

2 августа 1940 года

Уплата членских взносов за 1938 г.

Месяц	Месячный заработок	Членск. взнос	Подпись секретаря
Январь			
Февраль			
Март			
Апрель			
Май			
Июнь			
Июль			
Август			
Сентябрь			
Октябрь			
Ноябрь			
Декабрь			

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
ВСЕСОЮЗНЫЙ ЛЕНИНСКИЙ КОММУНИСТИЧЕСКИЙ СОЮЗ МОЛОДЕЖИ
КОМСОМОЛЬСКИЙ БИЛЕТ
№01896770
Фамилия Куприянов
Имя Александр
Отчество Иванович
Год и месяц рождения 1951 июль
Время вступления в ВЛКСМ октябрь 1965
Николаевский-на-Амуре
(наименование организации, выдавшей билет)
Горком ВЛКСМ
27 января 1967 г.
Уплата членских взносов
1967 год
Месяц | Месячный заработок | Членский взнос | Подпись секретаря
Январь | 0,02
Февраль | 0,02
Март | 0,02
Апрель | 0,02
Май | 0,02
Июнь | 0,02
Июль | 0,02
Август | 0,02
Сентябрь | 0,02
Октябрь | 0,02
Ноябрь | 0,02
Декабрь | 0,02

Мамин и мой комсомольские билеты

*С*тоит ли вспоминать ее, историю, походя и всуе?

Бабушкин завет помогал не один раз в жизни. Юные корреспонденты спросили меня: «Как вы считаете, что самое главное в жизни?» Я немного замялся и ответил: «Самое главное – взять правильную ноту». Крещендо. Не мог же я повторить бабушкиного слова. Хотя юнкоры знают и не такие слова.

ПДС. Заметил, что становлюсь плаксиво-сентиментальным. Впрочем, наверное, как и все старики. Увижу, как правнук Лева бегает по кухне, цепляясь за ручки створок шкафов, – и на глазах наворачиваются слезы… Ему ведь еще только годик. Услышу песню прекрасной певицы Тамары Гвердцители «Прощай, король, прощай!» – и взвою чуть ли не навзрыд. Начинаю на встречах с читателями вспоминать крепдешиновое платье мамы-учительницы и белопарусиновый китель отца-мичмана – и тяжелая спазма сжимает горло. А что уж говорить о военных песнях Высоцкого или о его бессмертном вопле «Хоть немного еще постою на краю!». Тут как-то увидел, что сам Путин на встрече с женщинами фонда «Защитники Отечества» еле сдержал слезы. А ведь президент моложе меня на год. Интересно, Макрон может заплакать на встрече с трансгендерами? Брежнев тоже плакал. А Сталин плакал когда-нибудь? Гитлер – известно, был истеричен и плаксив. И еще: в колонии для *пыжиков* (пожизненно заключенных) мне сказали, что многие убийцы-негодяи сентиментальны.

Однажды видел, как расплакался Махмуд Алисултанович Эсамбаев, гениальный танцовщик и большой друг «Экспресс газеты». Я еще расскажу о нем. Володя Сунгоркин плакал на похоронах отца. Я стоял рядом. Кто-нибудь заплачет на моих похоронах? Интересно бы знать заранее… Писатель может все описать. Не может описать только собственную панихиду.

*Г*ид-экскурсовод Нестор, молодой, но совершенно лысый абхаз – голова специально побрита, с густой бородой, завез нас в высокогорную деревню, на подворье пастуха Леона. Попробовать традиционную закуску абхазов. Мамалыгу с козьим сыром и вяленым мясом.

Поджарый Леон, в лохматой папахе, в рубашке с серебристыми пуговицами на груди и с кинжалом на поясе, вышел для приветствия. Нестор огладил окладистую бороду.

– Гость – святой человек в доме любого абхаза. Леон посидит с нами до конца застолья. Сколько бы оно не продолжалось. Леону сто лет. Он может выпить десять стаканов вина и не опьянеет. Порядок тостов имеет особое значение. Он не нарушается. Первый тост за Всевышнего. Второй – за время, в котором мы живем. Будь оно благословенно для людей! Третий – за святыни Апсны. Земля Апсны – страна души, Абхазия. Первого царя Абхазского царства, между прочим, звали Леон. Он провозгласил независимость Абхазии от Византии.

Подали первый рог с вином.

*К*о мне подсел молодой мужик по фамилии Гомнюк… Гоменюк? Или Гоменюков? Ну, в общем, стану называть его Гоменюковым. Чтобы не возникала двусмысленность. Говорящие фамилии в рассказах Чехова и в пьесах Островского. Мой мовизм, как и предупреждал, насмешек и тем более издевок не предполагает. Подлинный мовизм лишен аллюзий. Аллюзия, с латинского, некий намек или шутка, содержащая аналогию. Если Гомнюк, то аллюзия очевидна. Пусть будет Гоменюковым. Не старый еще парень, лет сорока, в голубых джинсах и в бейсболке с вышитыми на лбу оранжевыми буквами USA. Он вроде бы преподавал в Тверской школе рабочей молодежи историю – штукатурам, сварщикам и шоферам. Во всяком случае, он утверждал, что неплохо знает восьмой век. Тот самый, в котором царь Леон замутил независимость. Он так говорил – *замутил*. Говорил Гоменюков. Как говорил Леон, мы ведь точно не знаем. В любой туристической группе обязательно есть свой Гоменюков. Он мучает гидов каверзными, как ему кажется самому, вопросами. Себя, конечно, позиционирует интеллектуалом. Такие обычно посылают задания знатокам в телепередачу «Что? Где? Когда?». Есть еще воинствующие невежды. Один такой описан в рассказе Василия Макаровича Шукшина «Срезал!». Солженицын выделял сомнительное явление русской интеллигенции – образованщину. Но есть еще умники-агрессоры. Такие, как Гомнюк. Или Гоменюк. Они непременно один раз в неделю вспоминают почему-то Римскую империю. Часто доказывают преимущества коммунизма перед капитализмом. Иногда убеждают слушателей в том, что Гитлер, оказывается, жив. Он просто спрятался в Аргентине. Знания их обильны, но, как правило, неряшливы. Такие знания получают в многочисленных частных университетах, расплодившихся после перестройки. Так, обильно, плодятся мухоморы после дождя. Гоменюкова, кстати, звали Олегом. Но в группе его прозвали Нюанс Олешка. Именно с буквой «шэ» посередине, а не с «жэ». Скоро поймете почему. Нестор говорил: «Наша визитная карточка – полусладкие вина Абхазии: „Апсны“, „Лыхны“, „Псоу“, „Эшера“, „Букет Абхазии“. Они представляют страну на винных фестивалях!» Олешка тут же встревал: «Но есть нюанс… Как быть с чачей?» Нюанс заключался в том, что мы с Гоменюковым лично на себе в ночь перед экскурсией в город-призрак испытали преимущества виноградной водки, чачи. Нюанс – легкое, едва уловимое различие. «Есть нюанс» – значит, вы что-то не учитываете, упускаете существенный момент.

*О*лешка доводил до белого каленья интеллигентного гида Нестора, постоянно намекая на то, что абхазы всего лишь отпочковавшиеся грузины. Не люблю коллективного туризма и массовых поездок. Хоть в горы, а хоть и в тундру, к малым народам Севера. Экскурсовод в чуме рассказывает, чем одарила цивилизация малые народы: бесплатной медициной, образованием, интернатами, интернетом и чумработницами. Не без потерь, конечно… Гоменюков тут же обязательно объяснит, в чем аборигены – он их называет туземцами – сами виноваты. У них в организме отсутствует ген расщепления алкоголя. Почему-то объектом своего протестного историзма Олешка выбрал меня. На коллективную экскурсию в горы я попал по при-

чине трудного прохождения маршрута в одиночку. «Крузака» у меня нет. На Гниде далеко не уедешь. Хотя Гнида тоже япончик. Просто из разряда пони. А не орловских рысаков.

*Г*оменюков пошептал мне на ухо:

– Есть нюанс. Обед на подворье Леона входит в стоимость тура.

Я хотел пересесть от историка подальше за стол, но тут из боковой галереи, опоясывающей дом, выскочил мальчонка лет семи, похожий на меня в детстве. Заухал барабан, и взвыла зурна. А может, флейта. Мальчонка размахивал руками и взбрыкивал, как жеребенок, ногами. Он танцевал лезгинку. Гоменюков отломил кусок лаваша, намазал его острой аджикой и, не сдержавшись, громко сказал. Как опростался.

Точнее сказать – как испортил воздух.

– Я же говорил! Отрепетировано. Они с детства брейк наяривают.

В огороде бузина, в Киеве дядька. При чем здесь брейк? Не знаю, есть ли кавказцы, которые брейк предпочитают лезгинке. Сдвинуться мне некуда, а вина еще выпили не так много, чтобы учить тверского *доктора* исторических наук терпению. Которое теперь называют толерантностью. Леон произносил следующий тост – за дружбу народов. Он снял со своей головы лохматую папаху и водрузил ее на голову мальчонки. Все захлопали в ладоши. Шапка оказалась такой огромной, что повисла на плечах танцора. Лицо пацана пропало. Танцевала папаха.

Нестор сказал:

– Еще обязателен тост за сынов, одетых в черкеску и папаху. А кинжал всегда под рукой. Форма передавалась от дедов к отцам и от отцов к детям.

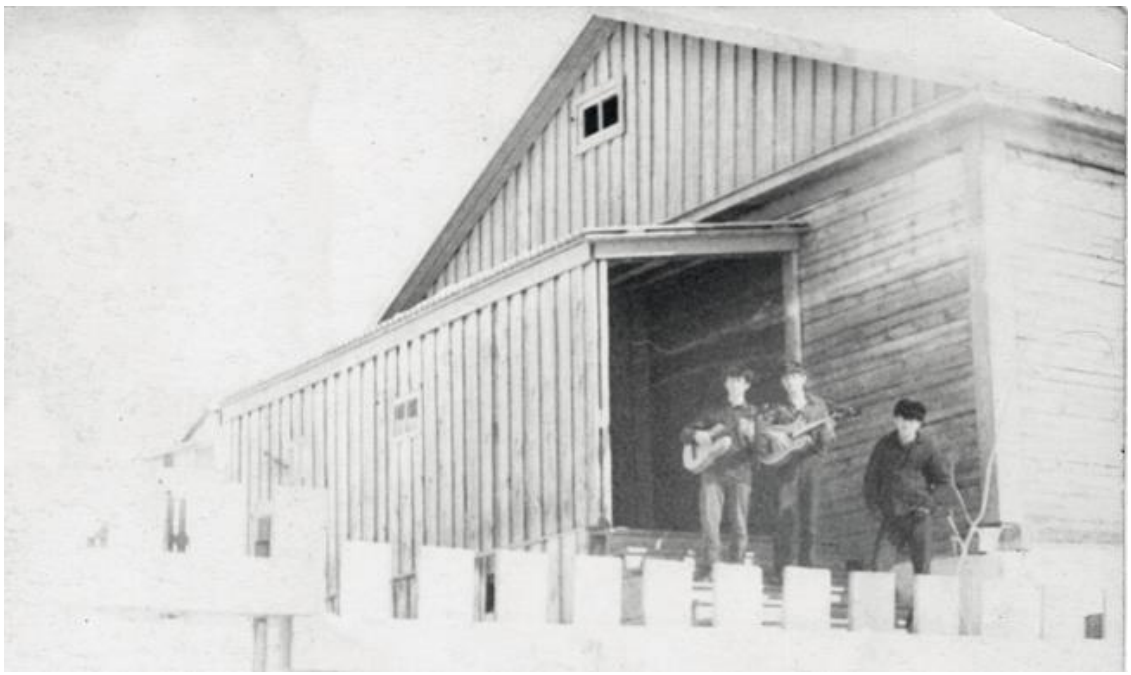
Две Светки, две крашеные блондинки-хохотушки, одна из Когалыма, другая из Нарьян-Мара, уже танцевали лезгинку. Когалымская кричала, интуитивно используя прием аллюзии:

– Олешка! Увезу тебя я в тундру! Чего сидим, *Говнюков*? Опять про Киев заливаем, праматерь русских городов? Иди сюда, покувыркаемся вместе!

Обе Светки отдыхали в санатории «Самшитовая роща». Олешка, наверное, все-таки там записался Гоменюковым, а не Гомнюком. А блондинкам из тундры доводилось кататься на оленьих упряжках. Поэтому Гоменюков стал Олешком. На круг он не вышел. Не хотел позориться. Может ли историк Гоменюков, изучивший культуру восьмого века, станцевать кавказскую лезгинку? Вряд ли. Совсем не простой танец. В лезгинке сложные па. Назовем их, конечно, нюансами дансинга. Используя речевую стилистику образованного преподавателя истории.

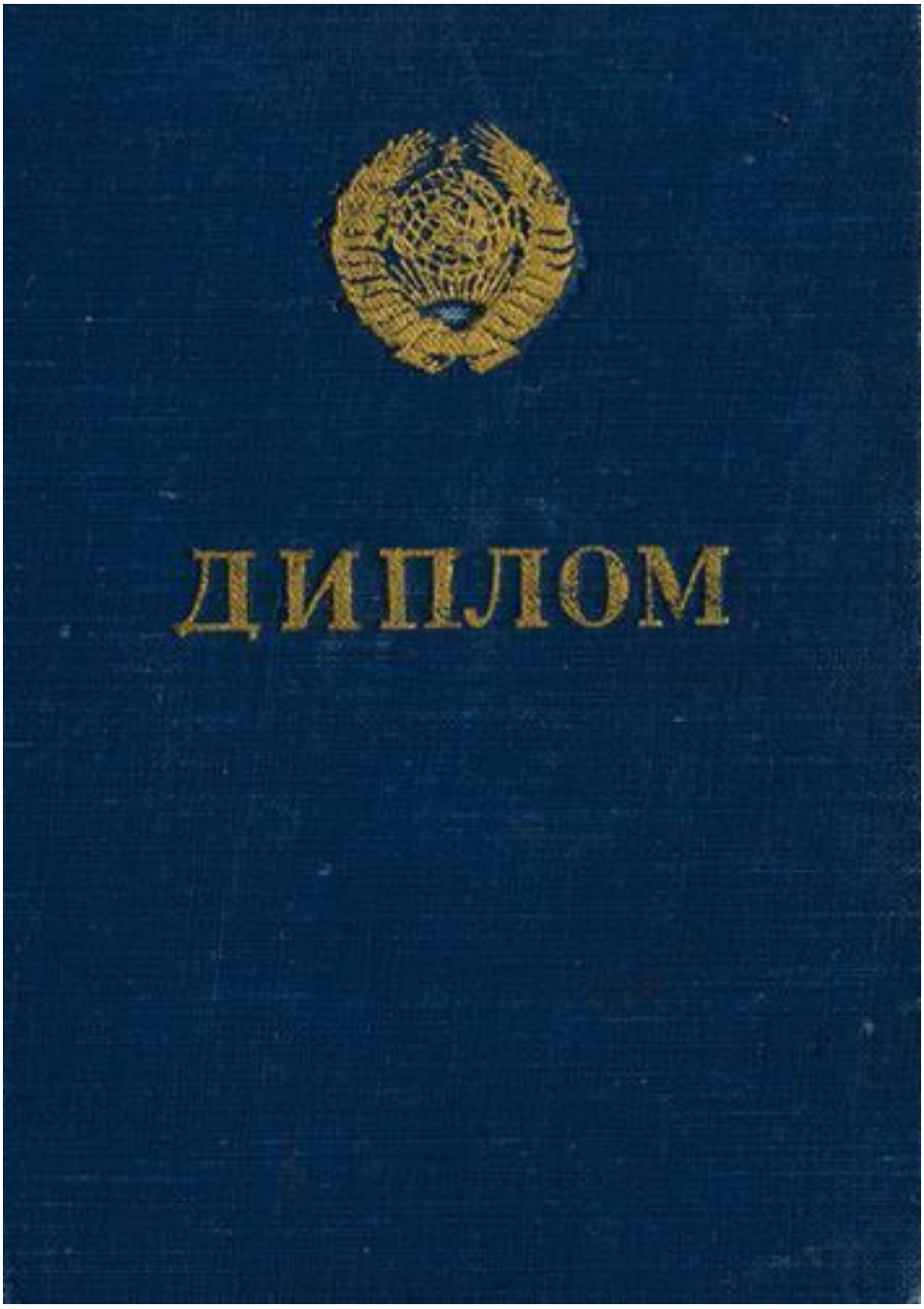
ПДС. Очень напрягают люди, которые *все знают*. Не воинствующие невежды, по типу «ща скажу!», а те, которые на любую твою реплику тут же находят единственно верный ответ. Быть с ними в одной компании за столом мучительно. Почти невыносимо. Они знают все: про качество арбуза, про политику Трампа, про Монголию и оркестр народных инструментов, про квантовую психологию и жилище эскимосов иглу, про религию Китая, про язву двенадцатиперстной кишки… Они же постоянно намекают на свою близость к правительственным кругам и к самому президенту, к Службе внешней разведки… Встречал много таких. Один точно поверил в то, что, будучи корреспондентом газеты за границей, он выполнял секретные задания. Другая все время намекает на свою близость с президентами бывших советских республик. Лукашенко и Токаев чуть ли не дома у нее ночевали. С Горбачевыми она завтракала. Как правило, их воспоминания и реплики заканчиваются рассказом о себе, любимом. И вот я думаю: пиша «Деда Пихто» (или пися? – не знаю, как правильно. Значит, уже не всезнайка!), не напоминаю ли я сам такого, токсичного?

На таком теплоходике мы добирались в порт Маго



На крыльце магинского интерната

Друг детства Хусаин Мангаев по прозвищу Пыжик – справа


ДИПЛОМ

СССР

Министерство рыбной промышленности

ДИПЛОМ № 190/1368

На основании Кодекса Торгового Мореплавания Союза ССР настоящий диплом на звание судоводителя маломерных судов до 200 р. т.

выдан Куприянову Ивану Михайловичу.

родившемуся 14-го числа сентября месяца 1924 года

Подпись владельца диплома

Где получил образование: оконч. 6-й месячн. курсы при Николаевской н/а. школе УККПС 10/VII-1952 г. и выдержал испытание в Госквалиф. комисс. Морреспорта Маго на звание судоводителя м/с до 200 р. т. (Двести Регистровых тонн.)

На основании каких документов выдан диплом: 1) Протокол Госквалиф. комисс. № 10 от 10/VII-52, 2) Врем. квалиф. свидет. № 452 от 10/VII-1952 г. 3) Представ. документ. о выполн. практического плавательн. ценза.

Порт Маго 13-03-54 года.

Капитан Морского порта „Маго"

Тип. МРП СССР Зак. 824 Тир. 6200

№ 17

Диплом моего отца-судоводителя

Возле магинского интерната. Шурка Куприянов справ

Друг детства Сергей Бурыхин

О чем бы я ни писал, в итоге к чему скатываюсь?

К себе, любимому?!

Интуитивный эгоизм. Цель опуса – совершенно другая. Об этом и Бочаров неоднократно мне говорил. Заметили?! Опять – неоднократно…

*К*ак только вижу папаху горца, неважно – лохматую, как у конников «Дикой сотни», или мерлушковую, черно-серебристого каракуля, – тут же вижу перед собой Махмуда. Мы дружили с Махмудом Алисултановичем. Вокруг таблоидной «Экспресс газеты», диковинного тогда еще зверя, сложился замечательный кружок друзей. Махмуд Эсамбаев, Бари Алибасов, Римма Маркова, Лидия Федосеева-Шукшина, певец Юлиан, Нонна Мордюкова, Алла Ларионова, Андрюша Мартынов, Стасик Садальский… Конечно, душа компании – Садальский. В газете он вел рубрику «Скандальские новости». Не помню, кто ее придумал. Сам Станислав Юрьевич или кто-то из редакторов. Садальский писал сумбурно, но зато знал все новости актерского закулисья. О! Театральное закулисье… Популярность Садальского и Махмуда зашкаливала. Ходить с ними по улицам, сидеть в ресторанах было невозможно. Тут же выстраивалась очередь за автографами. Садальский признавался: «Роль Кирпича в фильме „Место встречи изменить нельзя“ ненавижу…» Позже, наблюдая Стасика в моноспектаклях и в антрепризах, я не один раз убеждался: в нем пропадал актер драматического накала. Надо мной смеялись: «Да брось ты! Садальский – комедийный актер!» Штамп, однажды приклеившийся, мешал режиссерам видеть в Станиславе Юрьевиче актера, играющего роль Гамлета. Или короля Лира. Недаром на радио он создал программу «Шоу одинокого шута». Вел вместе с Тиной Канделаки. Поэт Михаил Аркадьевич Светлов издал двенадцать томов стихов, собрание сочинений. Его помнят только по «Гренаде». Про Алибасова, с которым мы часами спорили о мировых религиях – такого эрудированного эксперта богословия я не встречал, – публика твердо знает несколько вещей. Что Алибасов красил волосы в желтый цвет, создал группу «На-На», песню «Упала шляпа» (три притопа – два прихлопа) и выпил с похмелья «Крота». Еще – женился на вдове Шукшина, Лидии Николаевне Федосеевой. Вот и все, что знает публика про Алибасова.

С Лидией Федосеевой-Шукшиной на банкете

В советские времена газеты писали о рабочем классе и о коммунистической партии. В хабаровской молодежке мы раза два-три в неделю печатали очерки о передовых доярках, токарях «Энергомаша» и строителях БАМа. Соревнование бригад сквозного качества, движение «Пятилетку за четыре года», трудовые будни геологов, рыбаков и сталеваров… Изредка про учителей, врачей и ученых-изобретателей. Такова доктрина правящей партии: союз рабочего класса, трудового крестьянства и народной интеллигенции. Нельзя было поддерживать бардов, писателей-фантастов и сомнительных поэтов.

Алибасов и Федосеева-Шукшина

Римма Маркова в «Экспресс газете». Справа – солист «На-На» Владимир Левкин

Садальский – в центре. Справа – нынешний главный редактор «ЭГ» Сергей Никитин

Алибасов – в центре

Слева направо: певец Юлиан, автор, Николай Добронравов, Александра Пахмутова

В клубе «Репортер». Слева направо: Владимир Молчанов, автор, Игорь Воеводин, Мария Арбатова

Такова светская жизнь

Потому что они пытаются конструировать некую параллельную реальность – не социалистическую. Чтобы лучше узнать жизнь, начинающие писатели уходили в моряки, рыбаки, охотники и геологи. Один, хабаровский прозаик Анатолий Буйлов, работал оленеводом-пастухом и даже тигроловом. С приходом перестройки отечественная журналистика испытала огромный слом. Кто будет читать про слесарей, кузнецов и доярок? Главными героями становились Алибасов, Волочкова, Собчак и Пугачева. Как сказала Инна Павловна Руденко в интервью Лепскому: «Был потерян интерес журналистов к маленькому большому человеку». Это ее выражение – маленький большой человек. Токарь, тракторист, доярка, повариха и медсестра. Между тем хлеб, кто-то выращивал и молоко в магазинах продавалось. И домны выплавляли сталь. По-настоящему в стране еще не было «звезд». Да и гражданское общество только зарождалось. Выдумывали светскую жизнь, вокруг популярных актеров и певиц эстрады раздували скандалы – вот что, дескать, надо читателям! Да и про звезд писали предвзято, с перетряхиванием постельного белья. Считалось, что желтая пресса – про трусы Маши Распутиной и про балетные растяжки Волочковой. Понятия «желтая» и «лживая» в сознании читателей, а часто и самих журналистов, отождествлялись. Между тем таблоидная пресса на Западе – это в первую очередь не развлечения, а разоблачения коррупции и расследование скандалов. Всегда существовали корневые, от века, профессии. Паромщик, например. Фонарщик, бакенщик, гончар, кузнец и часовщик. А фокусник-факир, а змеелов и даже меняла… Кого изгнал из Храма Иисус? Менял… Есть прекрасное занятие огородника! Помните, как один из римских императоров удалился выращивать капусту? И только редкие писатели и поэты обращались к

профессиям вековым. Александр Грин, Новелла Матвеева… В ее стихах действуют шарманщик, рулевой на шхуне, рыбачка. Она чувствует себя их наследницей. Ассоль у Грина – дочь бедного матроса и сказочника Лонгрена. А само имя Ассоль – от испанского al sol – к солнцу! Сначала я мечтал стать матросом, потом – танцором-чечеточником. Хотел научится играть на рояле. До сих пор хочу…

ПДС. Зачем так много фотографий в книге? А вы когда последний раз смотрели свой фотоархив, сброшенный в компьютер? Сотни, тысячи снимков… Для чего мы их сделали? Чтобы оставить память о себе? Мне трудно представить, чтобы моя правнучка Настя, которая когда-нибудь вернется в Россию из Америки, откроет мой ноутик и начнет копаться в архиве. Что там мой прадед Купер делал на сплаве? А вот, еще говорят, что он жил в детском доме-интернате. Надо бы поискать.

Не уверен, что она станет это делать. А так – откроет книгу и увидит себя на руках у матери (смотрите начало книги). Фоткам сейчас верят больше, чем тексту. Помните бабушкины альбомы? Каждая фотография заправлена в ажурную рамочку – их специально делали в картонных листах. Каждая подписана. Философия клипового сознания вытравляет из нас память. В моем опусе я стараюсь вернуть ее, в первую очередь самому себе.

Звезда мирового балета Махмуд Алисултанович Эсамбаев в «Экспресс газете»

*П*опулярные люди, с которыми меня сводила жизнь, на поверку оказывались совершенно другими людьми. В отличие от тех образов, которые они создавали в расплодившихся телешоу. Образованные, порядочные и достаточно спокойные. Буйным нравом и вредным характером отличался один Садальский. Да и то, по чести говоря, он больше хотел казаться таким. Мы же, все, подыгрывали ему. Андрюша Мартынов, старшина из фильма «А зори здесь тихие», усатый мужик-крестьянин – нос картошкой, был эрудитом и тонким знатоком русского театра. Махмуд – недоступный кавказец в блистательном костюме от Кардена, со Звездой Героя Социалистического Труда на лацкане, со значком депутата Верховного Совета, в папахе немыслимой курчавости и серебристости, всегда носил в кармане толстую пачку трешек, трехрублевых

купюр. Я спросил у него: «Зачем?» Махмуд Алисултанович, смутившись, пояснил: «У церкви нищим раздаю… Каждый день утром иду мимо церкви. Они стоят и ждут. Как откажешь?»

*Н*онна Викторовна Мордюкова, сидевшая у меня на кухоньке в квартире на улице Народного Ополчения, в байковом халатике и в косынке, по-казацки повязанной вокруг головы, по-матерински опекала Юлиана. По английской версии Мордюкова вошла в десятку величайших актрис мира. Выступала с Юлианом на сцене Кремлевского дворца. Мы с Юликом жили в одном подъезде на разных этажах. Нонна трагически потеряла сына Володю. А что только не говорили злые языки про Нонну и Юлиана… Трогательная любовь Шукшиной и Алибасова зарождалась и проходила у нас на глазах. Правда, закончилась неважно – дележом якобы квартир. Насколько я помню, ни Шукшина, ни Алибасов в квартирах не нуждались.

А это наша звезда, звезда «Экспресс газеты», бильдредактор Анна Семеновна Итенберг. Многое она знала про артистов. Многое…

О моей бывшей квартире на улице Народного Ополчения. Звонит Садальский: «Ну что, сегодня где ополчаемся? У меня, у тебя или в ресторане?» Ополчались каждый день. Рядом со входной дверью в нашу квартиру, правда, с внутренней стороны, висела табличка под золото: «Квартира имени Садальского». Без стараний и хлопот Стасика мы бы никогда не получили заветную трешку. Без взяток, без нарушения существующих в Москве правил. Операция по получению квартиры называлась *по приближению к работе*. Ходатайствовал и подписывал бумаги Владимир Иосифович Ресин, тогда вице-мэр. Ордер выдавал префект Александр Ильич Музыкантский. Два года Садальский водил меня за руку по жилищным комитетам, комиссиям, ЖЭКам… Как на работу, каждый день. Везде его узнавали и любили. Везде пропускали без очереди. Подарки – косметички и контрамарки в театр – мы носили женщинам-инспекторам. Наконец, на завершающем этапе, возник последний препон – не помню какой. Ордер на квартиру должен выдать префект Музыкантский. Потребовались ходоки. К Музыкантскому решили послать делегацию. Садальский заметил: «Если поедет Махмуд, достаточно будет его одного…»

Стасик знал, что говорил. Скольким актерам он сам помог с квартирами, детскими садами, больницами и редкими лекарствами. Леня Филатов, Люба Полищук, Леня Куравлев с женой Ниной… Всех не упомнишь. А скольким людям, простым – не актерам, помог Эсамбаев! Махмуд в тот вечер поехать не смог. К Музыкантскому отправились Лида Шукшина, Бари Каримович, ребята из группы «На-На», Стас Садальский. Мне было, конечно, лестно, но както не по себе. Та ночь запомнилась еще и потому, что на Москву обрушился невиданный снегопад. Город встал. На длинном «Кадиллаке», парадном выезде группы «На-На», который еле вписывался в повороты московских переулков, мы часа за три добрались до префектуры Центрального округа. Александр Ильич упорно ждал делегацию, ордер подписал, поляну накрыл, и домой мы вернулись под утро. И, кажется, префект Музыкантский тогда еще не сыграл свою маленькую роль в фильме «Сибирский цирюльник». Роль эпизодическая, но яркая.

Махмуд свою папаху никогда не снимал. Единственному человеку в Советском Союзе, ему разрешили сфотографироваться на паспорт в головном уборе. Говорили, сам министр МВД разрешил. Тогда еще случались такие вещи. Префект снимался в кино у Михалкова. Садальский добывал квартиры собратьям по цеху. Римма Маркова – за голос и командирские повадки ее звали Рим Васильевич – с высоких трибун громила бюрократов. Защищала пенсионеров.

*М*ахмуду нравилось, что мы, все трое – Садальский, я и сам Махмуд, – родились почти в один месяц, с разницей в несколько дней. Садальский – в начале августа, а мы с Махмудом – в июле. Он – пятнадцатого числа, а я – тридцать первого. К тому же, мы с Садальским оба интернатовские. И особенно Махмуду Алисултановичу нравились мои рассказы про детство. Ведь я рос во дворе Абдурахмана Мангаева, сына Айтыка, беглого чеченца. Так получилось, что в раннем детстве я уже знал обычаи адата – свод правил жизни горцев. Адат для чеченца, пожалуй, важнее конституции. О своем же детстве Махмуд рассказывал скупо. С трех лет танцевал на свадьбах. Когда подрос, выступал во фронтовых бригадах. Ранили в ногу осколком снаряда, разорвавшимся возле сцены. Хирург, сделавший операцию, вынес приговор: танцевать Эсамбаев больше не сможет. Махмуд вернулся на сцену. С блеском! На момент трагической депортации чеченцев и ингушей мог остаться в Пятигорске. Он танцевал в Театре музыкальной комедии. Вместе с земляками добровольно отправился в ссылку. Таков чеченский адат. Руководил кружком народного танца в поселке Ак-Тюз Чуйской области Киргизии. Свое первое звание народного получил там же, у киргизов. А уж потом три ордена Трудового Красного Знамени, звание народного артиста СССР, орден Ленина, орден Дружбы народов, орден

Отечественной войны, орден «За заслуги перед Отечеством». В 1984-м ему присвоено звание Героя Социалистического Труда.

*Б*елла Ахатовна Ахмадулина написала:

Мне доводилось около бывать,
но я чужда привычке современной
налаживать контакт несоразмерный,
в знакомстве быть и имя называть.

Так она написала про Пастернака. Стеснялась заявиться к Борису Леонидовичу, хотя тот и приглашал юную поэтессу к себе. Два дружка Ахмадулиной по Литинституту, Панкратов и Харабаров, запросто бывали на даче у Пастернака. Он их привечал. За глаза они панибратски называли Пастернака Борей. Потом, в дни травли Бориса Леонидовича за роман «Доктор Живаго», юные дарования своего учителя подло предали. Даже получили на то разрешение у самого Пастернака.

Разрешение на подписи в осуждающем письме.

Я всегда знал, что мой *контакт* со знаменитыми и популярными в стране людьми «не соразмерен». И не магинская наглость двигала мной в знакомствах со звездами. И не желание быть рядом с великими. Оно тогда охватило население. Особенно молодежь. «На фоне Пушкина снимается семейство…» «А что я буду с того иметь? Того тебе не понять», – написала Новелла Матвеева в известной песне «Девушка из таверны». Песня немножко про другое. Не про близость к великим, а про необъяснимость и бескорыстие любви. Корысть у меня была одна. Я понимал, что газете *такого* типа, какой предстала перед читателями «Экспресс газета», нужны влиятельные друзья.

Глубокой ночью позвонил Айзеншпис. Юрий Шмильевич, известный продюсер. В его творческих достижениях – Виктор Цой, группа «Кино», Линда, Влад Сташевский, Катя Лель, группа «Динамит». Последний проект Юрия Шмильевича – певец Дима Билан. Уважаемый человек Айзеншпис. Правда, с уголовным прошлым. Да ведь в России от сумы и от тюрьмы… В трубке слышался звон бокалов и голоса выпивающих людей.

– Слышь, Сань! А братва недовольна… Вот ты пишешь в своей газетенке, что Витас визжит, а не поет… А он поет!

– Юрий Шмильевич, у вас же Влад Сташевский. Продюсер Витаса – Сергей Пудовкин.

– Какая разница? Братва недовольна…

Мутные девяностые. Все было. «Экспресс газета» проводила расследования и писала не только о гимнастических упражнениях Волочковой и фальшивках Витаса. Настоящий таблоид – он не «про часы и трусы». Про коррупцию, нарушения закона и *кидалово*. Как тогда говорили. В суд нас таскали каждый месяц. Ни одного суда мы не проиграли. Отдел расследований, который возглавляла знаменитая Ленка Токарева, был самым многочисленным в газете. Дача дочери Ельцина Татьяны Дьяченко, связи шоу-бизнеса с криминалитетом, липовые фонды… Одно расследование про песню «Позови меня с собой» чего стоило! Реального автора песни, певичку из сибирского ресторана, чуть ли не уморили в тюрьме. Силовики подключались. Укорачивали нашу ретивость Юмашев, глава Администрации Президента, и сам Черномырдин, премьер правительства. Ведро алых роз отправляли Алле. Саша Любимов, из «Взгляда», приходил, строго приказывал не трогать вдову Листьева – Альбину. Уже с фамилией Разбаш. Страну звали жить не по законам, а по понятиям. Журналисты узнали, что такое *стрелка*. Градский первым назвал журналистов журналюгами. На спортивного обозревателя «Экспресс газеты» напали в уличном переходе с бритвой. Виталий Товиевич Третьяков и его «Независимая газета» встали на защиту Матвеева. Алибасов, Садальский и Махмуд помогали в слож-

ных ситуациях лучше адвокатов. Газете были нужны влиятельные друзья. Не знаю, как сейчас. Расследований, по-моему, не осталось и в помине. Не думаю, что Мордюкова и Махмуд, равно как и Садальский с Алибасовым, сильно нуждались в рекламе. Дружба их была совершенно бескорыстна. Есть у меня одно подозрение – мы тогда все оказались брошенными. От одиночества мы искали близких людей. Вал презентаций, банкетов, гулянок и фестивалей, как цунами, обрушился на страну. Третий Рим рушился. А Четвертому, как известно, не бывать.

*М*ахмуд заехал ко мне. Я уже работал в «Известиях». Был он весел и энергичен, отряхнул мелкий снежок с каракулевого воротника на пальто – в рифму со своей знаменитой папахой. Декабрь посыпал Москву белой крупкой. Вокруг Махмуда сразу забегали. Проходите, снимайте пальто… Он даже выпил рюмку коньяка с холода и полюбезничал с секретаршей. Я спросил Махмуда Алисултановича: почему он никогда не снимает папаху? Даже плавающего в бассейне Махмуда я видел в папахе. Обстановка позволяла задать такой *интимный* вопрос. Выпивали в комнате отдыха, за служебным кабинетом. Охранники Эсамбаева – первый раз видел его с охраной – два молодых и небритых чеченца, тоже в дорогих пальто, остались сидеть в предбаннике. Махмуд снял папаху и заливисто, почти по-ребячьи, как умел это делать он один, засмеялся. Передо мной сидел абсолютно лысый Махмуд Эсамбаев. Только какие-то кустики волос оставались над ушами и у висков.

– Ты можешь представить меня в костюме от Пьера Кардена, с талией в сорок семь сантиметров, в лаковых туфлях, со Звездой Героя и… абсолютно лысого? Старик-чеченец! Только палки чабана не хватает!

Насладившись произведенным эффектом, он водрузил на голову свой головной убор. Папаху кавказского орла. Потом достал из кармана коробочку в бархатном футляре. В коробочке лежало кольцо с двумя рубиновыми камнями.

– Хочу подарить тебе перстень.

– За что такая честь, Махмуд?! У меня же не день рождения.

– На память.

Он изящно и как всегда стремительно выходил из кабинета.

Кончался век. На пороге стоял двухтысячный. Мутные девяностые, с якорными цепями на шеях братков – их называли *голда,* с вороными «меринами», похожими на катафалки, и с пиджаками алого бархата. С золотыми печатками на пальцах, которые называли «гайками». Девяностые расплывались и терялись вдали. Мы прожили их вместе.

Начинались, мы надеялись, прозрачные нулевые.

ПДС. А ведь братва и братки пришли к нам из революции 1917 года. Матросы, перепоясанные пулеметными лентами, так обращались друг к другу: браток… Лепский как-то посоветовал: «Хочешь купить на базаре хорошую дыню или арбуз? Скажи узбеку: „Брат! Выбери послаще!“» На рынках я бываю редко. Недавно довелось посетить аж три. В Душанбе пригласили на гуманитарный форум. Первый рынок – цивилизованный, с ларечками и магазинами, с московскими ценами. Второй – экономкласса. Третий – настоящий, восточный. Цветастый, говорливый. С коврами, медными кувшинами с узким горлышком, с голубыми камнями, впаянными в серебро сережек. С обязательным упоительным торгом. Цены совсем другие. Нас было трое. На каждом из базаров купили по дыне. По разной цене. Завернули в кафешку – попробовали, отрезав по ломтю от каждой дыни. Нам показалось, что все три дыни выросли на одной бахче. Ко всем продавцам, у которых покупали, я обращался именно так: «Брат! Выбери послаще…»

…*В*ыписал из дневника последнего русского царя Николая: «Скорее бы этот анафемский 16-й год закончился. В 17-м будет лучше…»

*П*озвонил Садальскому. Стасик объяснил: «Прощается, похоже, Махмуд… Мне тоже перстень подарил». 7 января 2000 года Махмуда Алисултановича Эсамбаева не стало. «Гайки» и бархатные пиджаки уже не носят. Другая мода. Электронные часы вообще без циферблатов. Мазнешь пальцем по экрану – засветятся цифры. Они пульсируют. Искусственный интеллект, цифровые технологии, телефонные мошенники, все дела… Иногда я достаю из коробочки «гайку» Махмуда. В глубине рубинов, кажется, мигает огонек.

Жаль, не попросил Нестора и не сфотографировался в папахе.

Где-то в верхней части деревни, где мы кувыркались, закричал петух. В Абхазии, даже на таком фешенебельном курорте, каким, без сомнения, является комплекс «Самшитовая роща», часто просыпаешься от крика деревенского петуха. По улицам Пицунды, Гудауты и Гагры бродят собаки, коровы и лошади. Они общие. Никому отдельно не принадлежат.

Такая страна, Абхазия. Страна души.

Гоменюков, стараясь перекрыть зурну, кричал мне:

– Спорим? Стопудово! Десять не осилит! Он уже на третьем поперхнулся.

*Н*юанс зудел в душе Олега и просился на волю. Тверскую ментальность я немного знаю. Последние годы живу в глухой деревне, за славным городом Торжком. Белинский называл здешние места Прямухинской гармонией. Он наезжал в гости к дворянам Бакуниным. Они, всем кланом, гнездились в Прямухино. Приживалкою вместе с молодым мужем, Сашкой Виноградским, у Бакуниных живала Анна Керн. Жили трудно. Сашка нигде не служил, Керн продавали письма Пушкина – по пять рублей за письмо. Я уже писал об этом. И обещал вернуться к Анне Керн. Тоже ведь судьба… Скольким видным мужам того времени мозги запорошила! Потом встретила юного корнета Виноградского – он был моложе Керн на девятнадцать лет, – вышла за него замуж и была верна своему Сашке до конца жизни. Виноградский заболел язвой желудка, умер и похоронен в Прямухино. Анну Керн, когда она, уже старухой, умерла в Москве, повезли хоронить рядом с корнетом. Река Великая по весне разлилась, не смогли проехать. Похоронили неподалеку, в деревне Прутне. И – всюду жизнь! Сейчас на ее могилу молодожены всего района цветы возят. Белинский водил хороводы с крестьянскими девками. Влюбился в одну из бакунинских сестер. Вот уж где нашел гармонию… В Торжке! Здесь дороги отремонтировали недавно, перед визитами патриарха и президента, в нашем веке. Могу представить, какие здесь лежали дороги при Белинском. Пушкин, путешествуя из Москвы в столицу на Неве, останавливался в Торжке. Трясло так, что непременно хотелось выпить и закусить. Съесть котлету в ресторане Пожарского.

*В*се рифмовалось: Пушкин и Маркес. Белинский и Гоменюков. Папаха танцора, кинжал, крик петуха и скрип ставен. Только я танцевал не лезгинку, а степ. Степ назывался чечеткой. А Гоменюковых всегда хватает в жизни. Бедность чаще всего бывает опрятной. Богатство – злым. Как правило, с грязцой. Не знаю, почему так устроено. Но устроено именно так. Память детства пьет взрослое вино. И чем старше я становлюсь, тем громче кричат по утром петухи, тем отчетливей поет флейта и пылит по проселочному тракту пролетка с Александром Сергеевичем.

И вот она уже скрылась за холмами Валдая.

Допили вино. Котлет пожарских не подавали. Ели прекрасное копченое мясо с мамалыгой. Когда уезжали из высокогорной деревни, Леон надел бурку и папаху. С пастушеским посохом стоял на фоне багряного неба. Где-то на горизонте пиками вершин темнели горы. Гоменюков хитро подмигнул мне. Выверенный стоп-кадр. Тоже входит в оплату поездки в Акармару. Светки уже спали в минивэне-япончике. Напрыгались девчонки, накувыркались.

ПДС. Еще про Душанбе. На улицах города удивляло отсутствие бородатых мужчин. Как же так – вроде бы мусульманская страна? Водитель-гид из туристического агентства, по имени Манучер, современный менеджер в костюме с иголочки, в очочках золотой оправы, пояснил: «Моджахедские бородки запрещены на государственном уровне. Слишком явные ассоциации с обликом террористов. Зачем народ пугать?»

Редкая реклама на нашем ТВ обходится без молодого (часто – просто небритого) парня с бородой. Я не говорю про седого мужика-красавца в рекламе на НТВ. По Москве бродят тысячи юнцов с редкой, некрасивой порослью на щеках. В нашей редакции такую поросль нетолерантно обзывают *дрисней*. Особенно гадко выглядит жидкая бородка-сопелька под нижней губой такого моджахеда-инфантила.

Знакомый журналист-американец поведал – якобы информация из закрытых донесений агентов ЦРУ: пришли к идеологу (и практику) терроризма бен Ладену посоветоваться – как нам мусульманство эффективнее внедрять в молодежную среду? Бен Ладен вроде бы ответил: насильно ничего внедрять не надо. Введите моду на бороды.

Похоже на правду. А недавно нам, газетчикам, строго попеняли за публикацию под рубрикой «Шаг навстречу». В ней шла речь о традиции носить хиджабы. Дескать, не стоит пропагандировать спорные традиции. Рубрику ведет молодой и талантливый Хаджимурат Плиев, журналист, политолог и историк. Интересно рассказывает про традиции горцев. Недавно написал про черкеску, бурку и кинжал. «Злой чечен ползет на берег, точит свой кинжал…» Помните? Эмигрантов из бывших республик СССР – на каждой улице, в каждом кафе и в каждом московском дворе – уже визуально больше, чем самих москвичей. А учеников в школах? А врачей в поликлиниках? Носить хиджабы – спорная традиция. А бороду отращивать и навязчиво показывать, даже в рекламе, по телику – это *другое*. Это свобода личности! К тому же русские былинные воины что носили?! Бороды! Никакая это не мусульманская традиция. Интеллигентный Манучер из Душанбе пояснил: православные носили бороду «лопатой» и с усами, а моджахеды – особенную бороду. Она полоской окаймляет лицо. Волосы над верхней губой надо сбривать обязательно. В толпе сразу отличишь своего от чужеверца. Вообще, про бороды можно много чего рассказать. Пока же ясно одно. Хиджабы носить нельзя. А бороды – можно.

Еще нельзя рекламировать карты Таро. Их используют мошенницы-гадалки и предсказательницы… Но как быть с телефонами и компьютерами? Уж их-то используют на полную катушку во всем мире мошенники всех мастей!

*М*ногие поселки на Нижнем Амуре и по Охотскому побережью, на Шантарских островах, которые называли рыбалками, пришли в запустение, люди побросали их. На мысе Мы я жил в сарае для сетей и бочек, ловил кету и мальму, жег свои костры. На острове Малый Шантар квартировал в брошенной землянке китобоев. Когда-то здесь была звероферма – разводили голубых песцов. Редчайшая порода. Мой папаша, матрос-рулевой со шхуны «Товарищ», писал своей возлюбленной, училке в поселке Аян, моей будущей маме, что каждый час на траверзе бухты Абрек он наблюдает фонтаны не менее десяти проплывающих китов-полосатиков. В составе орнитологической экспедиции я побывал в бухте Абрек – Малый Шантар. Работал санитаром – кольцевал птиц. И мы нашли место, где матросы со шхуны «Товарищ», затертой льдами в проливе Линдгольма, зимовали. В июле айсберги, высотою с пятиэтажный дом, уходят из Шантарского моря. Экипаж сняли с острова. Многие уже болели цингой.

А родная деревня Иннокентьевка сохранилась, не опустела. Два местных олигарха-рыбника, Бронников Александр Александрович и Поздняков Александр Иванович, создали комбинат «Восточный» и открыли в Иннокентьевке рыбзавод. Губернатор Хабаровского края Шпорт прилетал на открытие завода. Сначала я боролся с олигархами. Колхозы закрывались по всему побережью. Люди лишались заработка, заколачивали досками окна домов, искали работу на материке. Я думал, что Бронников и Поздняков пришли вырубить наш вишневый

садик… Ну, не садик – кусты черемухи. Под окнами избушки, где я вырос, росла раскидистая черемуха. Ее посадил мой дед, Кирилл Ершов-Офенбах. Я писал очерки против захватчиков тоней. Один даже опубликовал в «Российской газете». Большой шум поднялся. Потом мой хороший друг, известинец Борис Резник, сказал мне: «Смотри, что делают олигархи. Они спасают рыбалки. Колхозы как форма собственности умирают по всей стране. Они убыточны. Твои олигархи дают людям работу, прокладывают дороги, строят жилье, поддерживают школы и детские сады. Они обеспечивают твоим землякам будущее».

Долгими вечерами, сидя у таежных костров, мы спорили с Бронниковым и Поздняковым. В бригады лова они не брали лодырей и пьяниц, на заводы приглашали специалистов, людей отправляли учиться, участки и тони оборудовали современной техникой. По Амуру и по лиману летали лодки с японскими моторами «Тошиба». Начальником лова стал сын моего друга детства Пыжика – Слава Мангаев. До этого он много лет браконьерствовал – ловил калугу. Комбинат «Восточный» открыл свои магазины в Москве. Бронников создал галерею художников-дальневосточников в Барселоне.

И городишко моего детства Николаевск не стал городом-призраком. Анатолий Михайлович Леонов, глава местной администрации, город ремонтировал и чистил, сносил старые бараки, красил заборы, реставрировал набережную. Ту тропу, по которой ходил когда-то капитан Невельской. В район начали возвращаться *золотушники* – артели и предприятия по добыче золота. Знаменитая «Полянка» сдавала драгметалл тоннами. Главный артельщик «Полянки» Валерий Иосифович Гуминский, напористый, как все золотушники, депутат и балагур, дерзил заезжим корреспонденткам телевидения. Но с местной администрацией дружил. Налоги не все шли в Москву и в Хабаровск. Что-то оставалось на Амуре. Хотя многие предприятия, судостроительный завод – градообразующий, уже не работали. Лианы не ползли по стенам домов в Николаевске, на крышах не росли деревья, стайки неулыбчивых ребятишек не бродили по улицам. И никто не рисовал солнышко на кривых ножках. Гуминского назвали в районе человеком года. На торжество он пришел трезвым и при галстуке. Но что-то меня тревожило, когда я видел, как сквозь шпангоуты-ребра брошенных на косах кунгасов прорастает крапива и полынь, а остатки жироваренных машин, похожие на доисторических монстров, зарастают багульником и иван-чаем. На Петровской косе со сторожем турбазы Колей мы чистили от ржавчины цепи и якоря на могилке матросов. Поправляли жестяные звезды на памятнике геологам-первопроходцам. Поклонный крест, возведенный в честь адмирала Невельского, его жены Екатерины и их маленькой дочери Катеньки, сожгли местные браконьеры-бандиты. Память уходила. Заплывала мхами, зарастала осинками с трепетными на ветру листочками.

ПДС. Когда лезешь на скалы кольцевать птиц, сверху обдает птичьим пометом. Как из ведра. Такой душ-дерьмомет. По-научному, и по-испански, птичий помет – *гуано*. Птицы-охранники (самцы?) караулят гнездовье, где на яйцах сидит самочка. Вот поэтому санитарам-орнитологам выдают костюмы химической защиты. Мы с Адасей Погарским, когда возвращались с Шантарских скал – там огромные птичьи базары, сразу лезли купаться, прямо в костюмах, в ручей Абрек. Мылись хозяйственным мылом. Так мы узнали, откуда появилось в русском языке, и в лексиконе самого Ленина, слово *говно*. Гуано – это сказочное богатство. В середине девятнадцатого века ученые открыли способ извлечения из гуано нитрата натрия. Продажа гуано принесла правящим элитам Боливии и Перу невиданную прибыль. Споры о владении островами с залежами гуано (читай – птичьего говна) спровоцировали конфликт Чили с Перу и Боливией. Из-за добычи и продажи гуано проходили кровопролитные войны. Месторождения селитры – окаменевший за сотни тысяч лет птичий помет. Огромные площади! Натриевая селитра используется в производстве оружейного пороха и тринитротолуола.

И что все это значит, если говорить коротко?

А вот что!

Человечество на говне сметану замешало.

Впрочем, на войне – то же самое. Да только ли на войне и только ли на гуано? Переработка мусора сортировочным заводом в городе-миллионнике, по признанию владельца завода, приносит до миллиарда рублей в год. Срок окупаемости такого завода – до шести лет. В России инфраструктура переработки мусора находится в начальной стадии – покрыто около двадцати процентов потребностей.

В. И. Гуминский (слева), автор, Н. А. Мамедов на острове Чкалова у памятника, посвященного легендарному экипажу летчиков Чкалова, Байдукова и Белякова

А у олигарха Бронникова Александра Александровича отец работал грузчиком в порту Охотска. Я видел однажды, как он катал по трапу тяжелейшие бочки с охотоморской сельдью. Сам Александр Александрович по молодости сходил на малолетку. Вот как в жизни. Прежде чем откроешь художественную галерею в Барселоне или напьешься хрустальной воды из водопада под городом-призраком Акармара, придется и гуано грузить в перкалевые мешки – от вони слезятся глаза, и с Гуминским пить на брудершафт – по полному стакану разведенного спирта, до дна. И танцевать лезгинку. Кольцевание птиц и создание *желтой* газеты – отдельный навык. Там надо зорко следить, чтобы птица-топорок с огромным клювом не долбанула тебя в глаз. А в зале суда, когда рассматривается иск к газете, нужно иметь аккуратную папочку с документами, заверенными у нотариуса. Тогда ты выйдешь из зала суда непобежденным.

ПДС. Мне кажется, что сейчас люди почти не мечтают. Они просто ставят перед собой задачи. Через год накопить на машину. Окончить курсы айтишников. Однушку поменять на двушку. Сегодня не мечтают, а медитируют – смотрят в одну точку. Да, мозг отдыхает. Но

ничего не происходит. Психолог Ольга Маховская пишет: «После того как Союз распался, планировать стали максимум на год, чтобы прикинуть бюджет, а дальше – куда кривая выведет. Может, это и ближе к потоку жизни, но горизонт сузился. Да и зачем думать, если все дорожки комфортно устроены, вставай утром на свой конвейер и – вперед! Собственно, это главное, что мы потеряли, – мечтательность».

В детстве все время куда-то сбегаешь – в поисках неизведанной жизни. Нас родители и воспитатели интерната постоянно снимали – с лесовозов, катеров и пароходиков. Доставали из трюмов чумазых барж. Мы в глубокой тайне строили свои *штабы,* укромные кубрики в старых кунгасах, вязали из бревен плоты. Мы мечтали уплыть в океан… А сейчас? Сейчас я ловлю себя на мысли: как хорошо было в детстве. Восторг охватывал душу! Вот куда бы я сейчас вернулся с радостью, так это на палубу дебаркадера «Страна Советов». Я бы ловил с кормы скрипучих касаток, тихонько курил, в кулак, за кубриком, и слушал, как тренькает на гитаре наш кумир Адольф Лупейкин. А его очередная зазноба в кубрике вскрикивает удивленно и радостно, как ошалевшая птица, попавшая в золотую клетку. Называлось – *на стон пошла*.

Первый раз я бросил курить в шестом классе. Вчера с Мишаней Щербаченко и Валькой Симоновым разлили по бокалу чилийского сухого, четырнадцать оборотов, в ресторане на Пушкинском бульваре. Мужики заспорили о своем святом: на какой минуте «Динамо» *вставил* «Торпедо». Или наоборот? Потом, со свойственной им деликатностью, слегка пригорюнились. Вспомнили, как кадрили вдвоем одну красавицу… «Тогда и отправился к Тоне мой друг с порученьем моим…» Тут еще Лепский завел свою нескончаемую песнь о Набережной Неисцелимых в Венеции. Мокром городе на сваях, где нет автомобилей. Вот и радость. Последний штаб-кубрик для тех, кого уже не вылечить. Люди делятся на любителей кошек и собак. На тех, кто предпочитает кофе – чаю. На поклонников Цветаевой и Пастернака. А еще на тех, кто считает Венецию прекрасным городом… И городом, где постоянно *воняет* гнилыми водорослями. Я полюбил и узнал Венецию благодаря Лепскому. Первый раз в Венеции я тут же уловил запах приморожeнных водорослей. Точно так же пахло у нас на берегу, в порту Маго.

Директора нашей школы-восьмилетки звали Иван Маркович. Он носил прическу под Максима Горького. Волосы распадались на голове по обе стороны длинными прядями. Школа маленькая и тесная. У директора нет своего кабинета. Его стол отделяет от общей учительской комнаты печка, похожая на бабку Меланью – бабушку второгодника и хулигана Мишки Комкова. Разумеется, по прозвищу Комок. Мы так и говорили: «У Вани, за печкой». Если стоишь за печкой долго, лицо становится красным. Пот стекает по спине. Холодные струйки.

Иван Маркович выговаривал:

– Ты все время стараешься выделиться, Саша. Похвально… Но выделяться надо отличной учебой и примерным поведением… «Я» – последняя буква в алфавите. А ты задаешься и выпендриваешься, Саша!

Меня все звали Шуркой. А директор почему-то звал Сашей. Выпендриваешься – так учителя не говорят. Так мог сказать только мой отчим Иосиф, сельский киномеханик. Он носил обидное прозвище – Иоська-пьяница. Но он не обижался. И мой наставник Адольф Лупейкин, старшина на дебаркадере, мог так сказать.

Я робко возражал:

– Я ведь хорошо учусь, Иван Маркович.

– На четверки. А мог бы на пятерки. И чем ты решил отличиться? Тем, что пришел в школу с часами на руке! Ты прекрасно знаешь, что ученикам не разрешается носить в школу перочинные ножички и ручные часы. Не у всех родителей есть такая возможность – купить своим детям часы. В вашем, пятом, классе много ребят, которые носят в школу часы? Нет ни одного! А тут – ты только глянь… Не простые, а золотые!

– Отец умер и оставил мне часы, Иван Маркович.

– Да знаю я. Уже прочитал в газете твои стишки. Про отца. Моряк в белом кителе, на капитанском мостике и с кортиком на поясе… Неправда. Не жизненные стихи! Лакировка действительности. Учиться писать стихи надо у Пушкина, Саша! Твой отец плавал на грязном буксире. Который таскает по Амуру сырые бревна. А у тебя в стихах чуть ли не бригантина. С алыми парусами. Ты знаешь, от чего умер твой отец? Ты уже окончил начальную школу. Взрослый. И ты должен знать. Ему не дали опохмелиться, Саша… Сердечная недостаточность!

*И*ван Маркович знал что-то такое, чего я не знал. Тяжесть навалилась на плечи. Я задохнулся. Небесные хляби разверзлись предо мной. Грозно засияли на горизонте горы, куда нужно подняться. Или обрушиться в бездну? Я стоял на краю пропасти. Никто меня не подтолкнет. Прыгать нужно самому. А бригантина, моя яхта с алыми парусами, уплывала в даль.

Куда ты?! Погоди, рулевой!

Возьми меня с собой! Я умею тянуть палубу!

Не слышит. Уплывает бригантина…

Вот она уже скрылась за горизонтом. Она уже никогда не вернется. У штурвала стоял капитан в белом кителе и в белых перчатках. Да и вообще, он, капитан, никогда такого слова не знал в своей жизни – опохмелиться.

Когда мне сказали, что меня вызывает к себе Иван Маркович, я заскочил в школьную раздевалку и сунул часы в карман первого попавшегося на глаза пальтишки. Пальтишко было яркое. Я узнал пальто Ленки, дочки директора школы. Мы носили в основном телогреечки и бушлаты. А Ленку родители наряжали. С Ленкой мы просидели за одной партой все четыре года начальной школы. А в пятом классе я отказался. И сел с Хусаинкой Мангаевым, дружком по прозвищу Пыжик. Но вообще-то я уже мечтал сидеть за партой с новенькой, Лариской.

У нее смешная фамилия – Тепленькая.

Директор наконец сказал самое важное:

– Ты не хочешь сидеть за одной партой с Леной… Чего вдруг? Она хорошая девочка! И учится хорошо. Ты обидел ее.

Свою дочку он назвал так, как будто она для него чужая девочка.

При чем здесь лакировка действительности и лживые стихи? Не говоря уже о том, что отец плавал, оказывается, на замызганном жуке.

– Плавает говно в проруби, Иван Маркович! А моряк по морю ходит.

Так дерзко я ответил директору.

– А часов у меня уже нет. Хоть обыщите!

Иван Маркович побагровел.

– Часы на стол! Явишься ко мне со своим новым папашей!

То есть с Иоськой-пьяницей.

Директор выставил меня из учительской. Волосы на его голове рассыпались прядями, закрывая глаза. Сверкали только очки. Маленькие круглые очочки. Тоже в золотой оправе. Или мне показалось?

Почему я бываю дерзким? Часто даже наглым, как прапорщик Мачача. С пудовыми кулаками. У меня и кулаков таких никогда не было. Меня несет… За дерзость меня выгоняли из многих, в том числе начальственных, кабинетов… Дерзил не из-за трусости. И не из-за деревенской простоты. Простота, как известно, хуже воровства. И не из-за приобретенных в интернате привычек. В интернате закон один – бей первым. Иначе ударят тебя. Объяснение дерзости простое – безотцовщина.

Дёрзкий парень

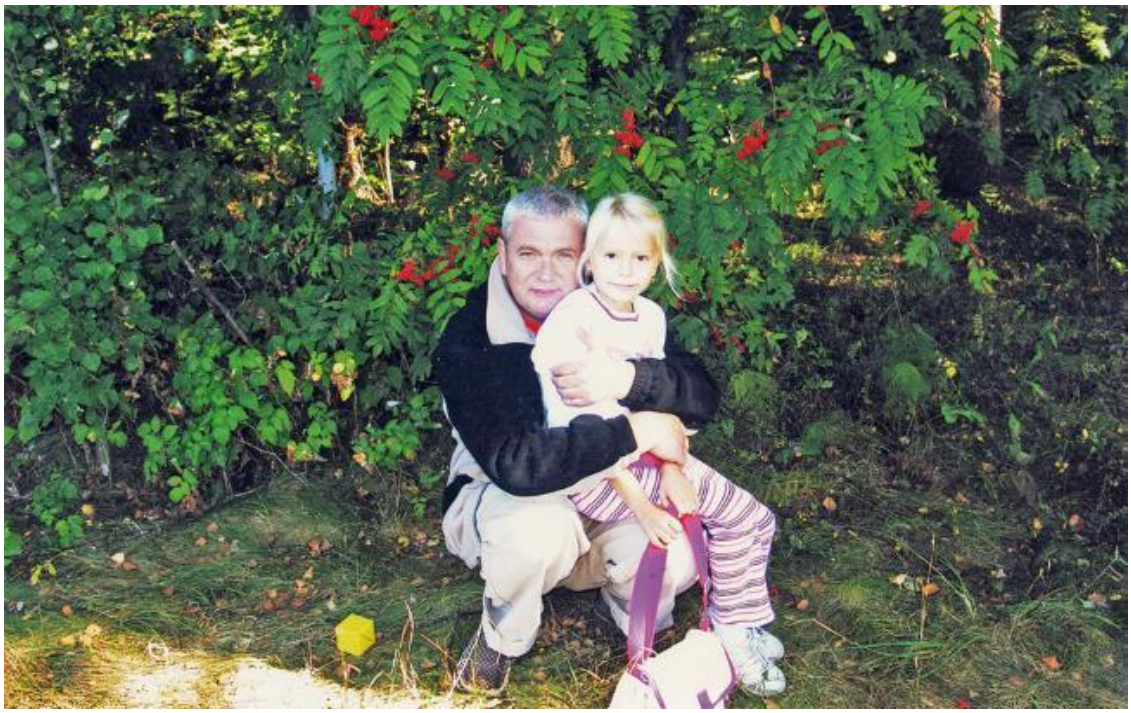
*Н*адеяться не на кого, кроме как на себя. Александра Николашина написала однажды про меня очерк. Он назывался «Дёрзкий парень». Через букву «ё». Опубликовали очерк в «Российской газете». «Дёрзкий паренек» – так говорили про меня у нас в деревне. С Николашиной мы жгли костры в хабаровском парке «Динамо», за Театром музыкальной комедии. И читали друг другу стихи. Что не помешало Сане вывести меня главным отрицательным героем в ее первом романе. Я уже упоминал об этом сомнительном факте моей *яркой* биографии. Яркой-яркой… Какой же еще! У писателя не может быть биографии серой, как оберточная бумага. Родился, крестился, женился… Останется только черточка между датами. И книг нельзя писать унылых. Так говорил мне сам Астафьев.

Роман с Николашиной получился ярким. Все сразу же узнали, кто послужил прототипом Валерушки. Саня написала: «Так получилось, что мои возлюбленные были или глупее или сла-

бее меня, а иногда и то и другое вместе». И еще: «Себя предавать так же тяжко, как других, может быть, еще тяжелее, ибо себя мы любим все-таки больше». Я почти не обиделся. Образ Валерушки-обманщика выписан талантливо. Себя Саня, конечно, любила больше. Я тогда был одержим карьерой. А развод в те годы приравнивался к самоубийству. Николашина сбежала на Соловецкие острова. Себя предавать не хотела. Я развелся со своим светлячком-филологиней, отличницей и дочкой серьезных родителей. Папа у нее служил в КГБ, а мама работала помощником первого секретаря крайкома КПСС… Кому не ясно? Карьерист и приспособленец. Меня с позором изгнали с поста заместителя главного редактора. Поселился в знаменитой общаге, которую в Хабаровске прозвали Вороньей Слободой. Светлячок не заламывала рук у груди и не сильно печалилась. Она тут же вышла замуж за моего дружка Генона, популярного актера местного ТЮЗа. Кстати говоря, в Валерушке, герое Сашиного романа, густо намешаны черты и Генона. Не знаю, читал ли он «Вершину круга». Меня взяли назад в партийную газету, откуда я и пришел, на повышение, в «МД». Только теперь уже, увы, на должность, ниже оплачиваемую, – учетчика отдела писем. Но не менее важную. Я, как бы исправляя ошибки молодости, начинал свою карьеру заново. Я вел рубрику «Газета выступила – что сделано?». Сейчас ничего подобного нет и в помине. Как и сгинула в водоворотах перестройки другая замечательная рубрика «Командировка по тревожному письму».

Внучка Нина

Дочь Татьяна



С внучкой в подмосковном лесу

Дочь Татьяна в раннем детстве

Внучка Нина. Яблоко от яблони падает недалеко

Александра Викторовна Николашина стала сильным прозаиком. Куда там раскрученному издательством Шубиной Василию Авченко из Владика, чья «энциклопедичность» в познаниях истории Дальнего Востока напоминает мне искреннюю радость юных корреспондентов из студии «Новый фейерверк», недавно узнавших про деревянного Буратино и про Бабу-ягу, летавшую в ступе. По исповедальности могу сравнить творчество Николашиной с творчеством Нагибина, лучшего писателя Европы. Я читал все ее книги. Один из романов Александры назывался «Поживите без меня». Когда мы расставались в подъезде ее дома, недалеко от ресторана «Березка», она с усмешкой сказала мне: «Ну все, пока. Поживи без меня… Живи получше!» Я сорвал свою фотку с удостоверения, послюнил и приклеил к дверям ее квартиры.

Конечно, права была Николашина, выводя Валеру актеришкой.

*Ю*лик Гусман спросил: «А надо ли так обнажать душу перед читателем? Какой-то духовный стриптиз получается… Ты как будто с себя, живого, сдираешь шкуру!» Юрий Карлович Олеша в книге «Ни дня без строчки» предугадал клиповое сознание следующего поколения и создал ЖэЖэ – живой журнал. В 1956 году. Когда про гаджеты еще почти ничего не знали. Каждый день в дневнике он записывал несколько строчек. То есть он расставлял *посты*. Его друг Шкловский потом из постов Олеши создал книжку. Именно так и пишется Живой Журнал. И его читают миллионы. В книге Олеша говорит об исповедальности литературы.

Что такое исповедь? Добровольное признание в совершенных грехах перед Богом. В присутствии священнослужителя. Непременное раскаяние и решение о недопущении повторения греха. В обыденном понимании исповедь – откровенность, чистосердечное изложение. Таинство исповеди установил Иисус Христос. Он напутствовал своих апостолов: «Кому вы простите грехи, тем они будут прощены, а на ком оставите грехи, на тех они останутся». Евангелие от Иоанна, 20:21–23. Апостолы передали власть «вязать и разрешать» епископам, своим преемникам. Те, в свою очередь, священникам. Исповедальная проза имеет корни. Странно выглядит человек, который бьет себя в грудь и кается. Или иногда говорит про себя такие вещи, что за него становится стыдно. Невыносим тот, кто «все знает» и всех учит, как правильно жить… А как выглядит человек, который лжет и лицемерит? Особенно если он врет в угоду власти. В многоликой литературе советского времени огромен отряд писателей, которые это делали из-за гонораров, орденов, квартир и дач. А те, кто писал по велению сердца, – к примеру, Аркадий Гайдар и Николай Островский, – они и создавали настоящую литературу. В поэме Пастернака «Высокая болезнь» дан лучший художественный портрет В. И. Ленина. Не думаю, что Пастернак вымучивал из себя строки: «Он был как выпад на рапире, гонясь за высказанным вслед, он гнул свое, пиджак топыря и пяля передки штиблет».

Олеша замечает: «Писать можно ни с чего. Все, что написано, – интересно, если человеку есть что сказать, если человек что-то когда-либо заметил…»

ПДС. В. В. Набоков не видел в советской литературе ни одного стоящего романа. В одном из интервью американской газете он говорит: «Хороших романов нет. Все они либо политизированы, либо мелодраматичны, весьма банальны и консервативны, полны обобщений и набивших оскомину персонажей, возвращающих нас к Диккенсу. Даже романы, тайком вывезенные из России и якобы представляющие оппозиционные режиму тенденции, часто вывозятся с молчаливого согласия начальства. У нас же стараются найти в произведениях молодых советских писателей то, что укажет на подтаивание политической глыбы. Но в действительности оттепель весьма незначительна и неизменно регулируется государством».

О скандальном романе Пастернака «Доктор Живаго»: «Меня интересует только художественная сторона романа. И с этой точки зрения „Доктор Живаго“ – произведение удручающее, тяжеловесное и мелодраматичное, с шаблонными ситуациями, бродячими разбойниками и тривиальными совпадениями. Кое-где встречаются отзвуки талантливого поэта Пастернака, но этого мало, чтобы спасти роман от провинциальной пошлости, столь типичной для советской литературы. Воссозданный в нем исторический фон замутнен и совершенно не соответствует фактам».

Очень жаль, что энкаведы и партийные бонзы, травившие Бориса Леонидовича, не знали мнения Владимира Владимировича Набокова, десятикратного номинанта на Нобелевскую премию по литературе. А может, и знали. Но его мнение было им невыгодно. Солженицын, получивший Нобеля, обратился в шведский комитет с ходатайством о присуждении Нобелевской премии Набокову. 1972 год. И вновь писателю, создавшему успешный, но «аморальный» роман «Лолита», принесший Набокову мировую славу, было отказано. Набоков поблагодарил Солженицына.

О моем любимом Евтушенко Набоков отозвался еще резче: «Я ознакомился с его творчеством. Оно вполне второразрядно. Он правоверный коммунист». Нашел комментарии к высказываниям Набокова. Вот один из них, правда, анонимный: «Я ознакомился с творчеством Набокова. Что я могу сказать? Изощренный онанист. Рукоблудие. И не только в „Лолите“».

*О*тец носил часы с желтым ободком. Первые советские часы в золотой оправе. Они назывались «Мир». Про китель и кортик на бедре у меня в стихах ни строчки. Но Иван Маркович домыслил. Все-таки он обладал воображением. Именно так я и представлял своего отца. В белом кителе и в белых перчатках, у штурвала корабля. Отец оставил мне в наследство фуражку с кокардой-капустой – фуражка болталась на моей стриженной под ноль голове, – морской кортик и золотые часы. Хоронили его на рейде порта Маго, в порту приписки «Шторма». Там жила новая семья отца. Отчим Иосиф привез меня на лодке, с мотором в шесть лошадиных сил. «Эл–6» назывался такой мотор. И высадил в начале пологой сопки.

– Вдоль сопки иди. Сначала пройдешь поселок Ситцевый, потом Маго-порт, а потом уже и Рейд. Спросишь, где хоронят Ивана. Твой отец – Иван Михайлович Куприянов.

Отчим оказался не очень ласковым человеком. Он, как и Иван Маркович, учил меня скромности. И еще – совершать поступки. В том видел свою миссию приемного отца. Я оканчивал пятый класс. Разумеется, мы тогда не знали слова *гештальт,* родителей называли только на «вы» и понятия не имели о травмах детства. И писем на своих пап и мам мы не писали. Писать-то некуда. Социальных сетей еще не существовало. А НКВД уже разоблачили. Кровавых палачей. Разумеется, все мы любили пионера-героя Павлика Морозова. Нельзя было не любить. Мы не сомневались в том, что кулаки – живоглоты и мироеды. Нам положено было любить Павлика и ненавидеть кулаков. А подкулачников презирать. Но почему-то, где-то на самом донышке души, мы Павлика недолюбливали.

В честь Павлика названы улицы и площади, корабли, библиотеки, отлиты статуи и поставлены сотни памятников. Павлик – первый советский блогер. Безжалостный, бесстрашный и принципиальный. Он разоблачил отца-подкулачника и закрыл свой гештальт. В наше время героиней-разоблачителем, в мировом масштабе, стала Грета Тунберг, защитница душных туманов, гнилых испарений и синих китов. Грета – Павлик наших дней. Только она своих родителей не закладывала. Просто Грета лишила мать профессии. Мама Греты отказалась от карьеры оперной певицы, а папа больше не летает на самолетах. Тунберг уговорила родителей сменить образ жизни *для уменьшения углеродного следа в природе.* Так в публикациях. У Греты огромное количество международных наград. Одна из последних: в январе 2022 года в ее честь назван вид центральноамериканских лягушек из семейства Craugastoridae-Pristimantis gretathunbergae. Попробуйте запомнить наизусть латинское название. Многие критики считают девочку жертвой экологической рекламы и лоббизма заинтересованных компаний. Путин назвал Грету Тунберг «доброй и очень искренней девушкой», предположив, что ею манипулируют для продвижения других интересов. Путин также назвал ее «плохо осведомленной». Дональд Трамп в отношении Тунберг высказался негативно. Наш президент толерантнее американского. Хотя Путина либералы чаще обвиняют в тиранстве.

*М*ы не обсуждали с отчимом, как я доберусь обратно. Надо добраться… Что тут обсуждать? На уроках физкультуры я стоял последним в строю. Поэтому меня прозвали Куприк. Купером я стану позже, уже в интернате. Ростом я был ниже даже Лариски Тепленькой, приехавшей к нам в деревню с родителями из Николаевска-на-Амуре. Ее отца, майора Тепленького, назначили командиром нефтебазы. Нефтебазу охраняли солдаты. А порт Маго, куда мы дотарахтели на «Эл–6», располагался в шести километрах от моей родной деревни, Иннокентьевки. Гремел литаврами оркестрик, две трубы и барабан. Внизу, под сопкой, гудели чумазые буксиры, прощаясь с моим отцом, Иваном Михайловичем. Маленькая сестренка Людка, кото-

рую я видел первый раз в жизни, таращила свои голубые глазенки. На затылке у нее торчали две жидкие косички с черными бантами. Людка подошла ко мне и крепко взялась за руку. Ладошка оказалась цепкой.

Отец со своей второй семьей

*М*ой отец родом из села Нижняя Тамбовка Амурской области. Там жили переселенцы-староверы из центральной России. Много лет спустя я встречал староверов Куприяновых под Читой, Иркутском и в Магадане. Под Читой есть даже целая деревня Куприяновых. Я туда съездил. Приверженцы старочинной веры, они крестились *двумя персты* и называли

себя семейскими. Зоя Куприянова, главный редактор журнала «Крестьянка», утверждала, что мы с ней родственники. Зоя родилась на Сахалине. Не знаю, как она крестилась – двумя или тремя пальцами?

Дина Яковлевна, новая жена отца, после того, как поминки закончились и друзья отца, речники в синих кителях и с продубевшими шеями, разошлись, отдала мне фуражку, кортик и часы. Фуражка держалась на оттопыренных ушах. Моя первая девушка, Таня, долго называла меня Ушастиком.

– Вот тебе отцовское наследство, – сказала Дина Яковлевна. – Ты его единственный сын. Вырастешь – моряком станешь. Как твой папка.

Очень скоро Дину Яковлевну я стал называть мамой Диной. Родная мама, Клавдия Кирилловна, перевела меня в магинский интернат. От греха подальше. Мы бесконечно воевали с отчимом. Дело доходило до рукопашной и могло закончиться плохо. С Пыжиком мы подкараулили пьяного Иосифа. В руках мы держали свинцовые кастеты, отлитые на горе Шпиль. Отчим побежал за своей двустволкой. Братья Пыжика Мангаева, чеченцы, скрутили отчима. На горе Шпиль мы играли в войнушку.

Там же, попозже, назначали свидания.

После похорон отца я написал свои первые стихи.

От бати осталась тужурка
Да холмик промерзшей земли.
Да я, интернатовский Шурка,
Да в море его корабли.
И волны невиданной выси
На скалы обрушили вал…

Трудно придумывалась рифма к высям.
Почти не придумывалась.
Я написал:

А мы на моторке неслися,
Надежно стучал коленвал.

От отца осталась фуражка, а не тужурка. Но фуражка рифмовалась с Сашкой. А меня все звали Шуркой. Только Иван Маркович звал меня Сашей. Никакие невиданные выси на нас не обрушивались. Моторка переваливалась с одной свинцовой волны на другую, как гусыня. До сих пор не знаю, есть ли у мотора «Эл–6» коленвал. Прав Иван Маркович. Лакировка действительности. Через несколько лет я узнал, что никаких доносов на отца Павлик Морозов не писал. Он на суде просто подтвердил показания матери. Мать мстила за то, что отец ушел к другой женщине и своих детей бросил. Морозова посадили, как подкулачника: прятал врагов народа, выдавал липовые справки. Он работал председателем сельсовета. А топором Павлика зарубил его дед. Конечно, библейская история. Сталин хорошо знал Библию. Он и сам стал священником. Новой религии. Большевики из постулатов христианства извлекали для себя большую пользу. Что такое моральный кодекс строителя коммунизма? Религиозные заповеди в чистом виде. Не убий, не укради, почитай отца своего и мать… Скрижали.

*С*тихи я показал маме и еще одному человеку – Адольфу Лупейкину. По сегодняшним меркам его можно, с натяжкой, конечно, назвать коучем. Такого слова мы еще не знали – коуч. Лупейкину исполнилось, наверное, лет тридцать пять. От силы сорок. Нам он казался старым. Лупейкин многое знал и почти все умел. Ловить калугу оханом, охотиться, играть на гитаре,

ухаживать за девушками. Хотя работал всего-навсего старшиной на барже. Принимал канаты катерков, швартующихся к «Стране Советов», неуклюжей барже-дебаркадеру. А канаты на судах матросы называют концами. И никак иначе. Еще – швартовы. И не дай вам Бог сказать *швартовые́*. У моряков свои законы и свой язык. Отдать концы, принять швартовы… Моряки по морю не плавают, а ходят. Почему-то директор Иван Маркович не знал языка моряков. Адольф драил палубу мокрой шваброй и продавал билеты на теплоходик ОМ–5. Зимой и летом Лупейкин ходил в потертой летчицкой куртке, хромовых сапогах и с белым кашне на шее.

*Е*ще он бил чечетку, курил папиросы «Казбек» и пил армянский коньяк «Три звездочки». Коньяк отвратительно пах клопами. Кашне и сапоги Лупейкин снимал, когда мыл палубу. И говорил он не «мыть» и не «драить», а – «тянуть палубу». Мокрую тряпку, взяв за концы, ровно протащить по доскам.

Лупейкин стихи прочитал. С прищуром глянул в высокое и гулкое в тот день небо. Дело происходило весной.

Отец умер в мае. Уже отнерестилась корюшка, ждали горбушу. Нефтеналивные баки на сопке укутало облако цветущей черемухи. На Нижнем Амуре черемуха цветет, как перед свадьбой. Неистово.

Словно метели бушуют над сопками.

Лупейкин приосанился.

– Вот ты пишешь: «волны невиданной выси»… А выси могут быть только гибельными! Гибельные выси… Тут… Тут прямо пир духа!

Я засмеялся. Выражение *пир духа* показалось мне неприличным. Несовместимым с цветением черемух и ношением капитанского кортика на бедре. По-моему, кортик носили с левой стороны.

Лупейкин осерчал:

– Не хахакай! Если хочешь писать не сказки дедушки Крылова про Муму, а настоящие стихи… Я знаю, что такое гибельные выси!

При чем здесь дедушка Крылов? Он писал не сказки, а басни. Про стрекозу и муравья. А про глухонемого Герасима и собачонку Муму написал вообще Тургенев. Адольф намекал на то, что в прошлом он знал небо. Может, служил стрелком-радистом на самолете. Или бортмехаником. Кроме потертой куртки, он носил морскую фуражку и галифе с голубыми кантами по лампасам. Галифе ласково называл *гали*. Когда Адольф тянул палубу, он подгибал гали до колен и становился похожим на кудрявую и озорную деваху в юбке. Чуб на голове Лупейкина вился из кольца в кольцо. Тонкие усики над верхней губой, ниточкой, дополняли его облик. Обычно Адольф поручал увлекательные занятия с мокрой тряпкой нам, его верным клевретам. Лупейкин обставлял дело так, что желающие тянуть палубу чуть ли не дрались из-за швабры. Известный эффект мальчишки, которому доверили красить забор. В пятом классе мы уже читали не только Тургенева с Крыловым. Тогда чтение уважалось. Книга была в законе.

Я любил Жюль Верна и особенно Фенимора Купера. За что и получил в интернате кличку Купер. Отчим Иосиф отличался не только знанием кино, но и фанатичной любовью к книгам. Увидев, что я читаю «Сына полка» Катаева, он принес мне «Алые паруса» Грина и брезгливо сказал:

– Читай настоящие книги! А не всякую сталинскую лабуду.

Почему сталинскую? Замечательная книжка про маленького солдатика Ваню Солнцева. Иосиф происходил из семьи белорусских мельников, сосланных на Дальний Восток. Позже отец Иосифа, дед Тимофей, пасечник и добрейшей души человек, расскажет нам с мамой, что сына назвал в честь Сталина – Иосифом. Думал, что пронесет… Не пронесло. Иосиф Троец-

кий Сталина ненавидел. Я узнал об этом, когда поступил на факультет. Как узнал и то, что за повесть «Сын полка» Катаев получил Сталинскую премию.

*Л*упейкин продолжил поэтический разбор:

– «Неслися» – так пастухи про коров говорят. Еще курицы в курятнике неслися… А вы – неслись! Стучал коленвал – выражение не для стихов. А для инструкции по эксплуатации моторов. От отца у тебя осталась не тужурка, а фуражка. Значит, интернатовский Сашка. Впрочем…

Он хохотнул.

– Все поэты – чокнутые слегонца. Они жизнь приукрашивают. Зато барышням нравится! У тебя барышня уже есть? Ты хоть сиськи ей мял?

Лупейкин считался непревзойденным кавалером. Говоря по-деревенски – бабником. Своих возлюбленных он приводил в кубрик на барже. Из-за дощатых стен доносился хохоток, звон стаканов и перебор гитарных струн. Адольф пел. Исполнял песни надтреснутым баском.

Между пальцами года… На даче Петра Нахтмана

*О*собенно ему удавалась одна:

Между пальцами года
Просочились, вот беда.
Между пальцами года, кап-кап[7].

Некоторые барышни плакали. Я сам видел.

[7] Стихи поэта и писателя Михаила Анчарова, зачинателя бардовской песни в Советском Союзе.

Татьяна Пантелеева. Она звала меня Ушастик

*С*тав студентом, песню про кап-кап я тоже выучил. И к ней два аккорда на гитаре. Девчонки из группы, когда после танцев в общаге мы собирались в чьей-то комнате, сразу просили: «Купер, давай про кап-кап…»

Вернемся на неуклюжий, как утюг, дебаркадер «Страна Советов».

Я обиженно засопел. Ну ладно – про коленвал и фуражку. Можно согласиться. Но почему выси гибельные? Адольф посмотрел на меня строго.

– Ты на краю Шпиля стоял? Страшно? А в пропасть тянет заглянуть! Визжишь от страха, но ползешь! Там, на обрыве, гибельные выси. Тебя охватывает восторг! Стихи – стремление в гибельные выси… Поэзия губит!

*Л*упейкин подарит мне еще одну сентенцию, подтверждающую его дар провидца. Лупейкин скажет: «Проза кормит. А поэзия поит!»

А Шпиль – высокая скала на Амуре, за Иннокентьевкой – одной стеной нависает над рекой, другой полого сбегает в тайгу. На Шпиле мы отливали ужасные кастеты, играли в «пупу», войнушку и пили свою первую бражку, настоянную на пшене. Первые свидания с девчонками назначали тоже на Шпиле. Интимные встречи с красотками в кубрике Лупейкин называл неизвестным для нас, но красивым словом *рандеву*. После рандеву он, распаренный, в растянутой майке-алкоголичке, выскакивал на палубу. Босой и в галях на подтяжках. Указательным пальцем правой руки небрежно махал перед носом. Дескать, ах, какие, право, пустяки!

Пояснял нам, удившим с кормы касатку:

– На стон пошла!

Мы, потупившись, стояли, лысые и босые. На Лупейкина старались не смотреть. Как будто в чем-то он был виноват перед нами. Ну, например, воровал пойманную нами касатку. Нас на лето стригли под машинку по гигиеническим соображениям. Чтобы живности друг у друга не нахватались.

Вшивость красиво называлась *педикулезом*.

Дальневосточная деревня на краю материка, двадцатый век.

Урок чистописания продолжается.

Точнее лупейкинского определения *на стон пошла* не ищите.

Его просто нет в литературе. Даже у Набокова, гения эротики.

Стихи я переписал на листок, вырванный из школьной тетради в клеточку. Лупейкин запечатал листок в конверт и отправил в редакцию газеты «Ленинское знамя», дружку-литсотруднику Рутену Аешину. Рутен – известный на Нижнем Амуре детский поэт. Стихи напечатали. Я проснулся знаменитым. В деревне стихов никто не писал. А «Ленинское знамя» читали в каждом доме. Такова была сила печатного слова.

*Л*упейкин в моих стихах дописал строчку про девочку Лену, у которой желтые глаза. Как у рыси. Понятно, да? Для рифмы. Гибельные выси – глаза сверкают, как у рыси… Откуда он знал? Может, Лупейкин прочитал рассказ Олега Куваева «Устремляясь в гибельные выси» в журнале «Вокруг света»? Лупейкин в своих рóссказнях намекал, что искал золото на Колыме. Там же бродяжил замечательный писатель-геолог Куваев.

Лупейкин – настоящий авантюрист, пират и чудик. Таких тогда водилось в наших местах, на краю земли, немерено. Лупейкин научил нас меняться с японскими моряками. Операция называлась *ченджь*. Фарцевать мы научились и без Лупейкина. В порту Маго фарцевали все. Но Адольф предложил расфасовывать красную икру не в поллитровые банки, а в баночки из-под детского питания – фруктового пюре. За меньший объем мы получали тот же товар. Батники, косынки, ручки. Лупейкин стал идеологом фарцовки. Он мог бы стать основателем собственной секты. Лупейкин-Синрике. Тоталитарно-эротическая секта кудрявых хохотушек с завивкой перманент. Или тогда уже носили бабетты, с челкой на лбу? Неважно. Многие шли на стон. Да почти все. Таков Лупейкин. Иногда он является ко мне во сне, подкручивает свои щегольские усики и спрашивает: «Хоть сиськи-то мял?» Я теряюсь и не знаю, что ответить. К шестому классу мы оказались на подступах к сиськам. С Комком и Пыжиком, дружками. Деревенские дети взрослеют быстрее городских. Они часто наблюдают животных и зверьков.

Собак, коров и лошадей. В шестнадцать лет я увидел, воочию, как появляется на свет ребенок. Не уверен, что эпизод украсит мой опус. Поварихе геологического отряда приспичило рожать в лодке посредине Амура. Мы с Димоном, геологом-практикантом из Иркутского геолого-разведочного техникума, вывозили нанайку Таню в магинскую больницу из тайги. Довезти не успели. Приткнулись к песчаной косе, поросшей кувшинками. Здесь, среди кувшинок, она и родила. Мальчика назвали Димкой. А завернули его в мою байковую ковбойку. Ничего более потрясающего в своей жизни я не видел. Ни взлет космического корабля, ни извержение вулкана не идут ни в какое сравнение с родами женщины.

ПДС. Не понимаю мужиков, наблюдающих за родами своих жен. Сейчас вроде бы модно. Как у них потом, дальше-то, с женами? Чуть сознание не теряешь от ужаса. Страшно признаться, но я тогда, в лодке на Амуре, представил, как у меня из живота… достают ребенка! Ведь по-другому из меня он никак не выйдет! Не через ж…у же он, простите, пойдет?! А другой дырки во мне нет. Двусмысленная, конечно, и глупая фантазия. Надо же как-то его зачать?! Предупреждаю психотерапевтов: не ищите во мне раздвоенное сознание и женские гены. Их там нет. И представителей ЛГБТ-сообществ прошу не беспокоиться: я не с вами! Врачи утверждают, что женщины не помнят родовых болей. А что помнят мужики, наблюдающие роды собственных жен? Слава Богу и слава президентам двух великих стран: они, не сговариваясь, подтвердили: родителей № 1 и № 2 не будет.

И все-таки интересно: а вот бабы…

Что они чувствуют? И до, и после…

*Л*енка мои часы в кармане пальто обнаружила. Но отцу-директору не наябедничала. Часы отобрал Комок, верзила-второгодник и гроза класса. Сказал, что часы отдаст мне при выполнении нескольких условий. Во-первых, надо вернуться за парту к Ленке. Во-вторых, я должен, по-морскому, взять Комка *на буксир*. То есть заниматься с ним дополнительно. Или давать списывать диктанты по русскому и контрольные по арифметике. Кажется, уже начиналась алгебра. Комок жил со своей бабушкой, Меланьей, на высоком берегу Амура. В-третьих, мы, с еще одним моим дружком, Женькой Розовым, должны отдать Комку тяжеленькую биту для денежной игры в расшибаловку. Для биты мы использовали медаль «За отвагу» Женькиного отца, учителя труда и пения, Георгия Ефимовича Розова. Еще он, ветеран войны, играл на немецком перламутровом аккордеоне. Георгий Ефимович ходил на костылях. То, что предложил мне Комок, в чистом виде вымогательство. Такое вымогательство называют *рэкетом*. Сейчас бы сказали, что Ленка меня *заказала*. Но тогда мы еще не знали таких слов.

Я пожаловался Лупейкину.

Адольф за пять минут вернул бы часы. Он обладал непререкаемым авторитетом. И часто выступал судьей в наших пацанячьих разборках. Лупейкин задумался. Не зря мы считали его своим наставником.

– Ты забей ему стрелку, – сказал Лупейкин, – на Шпиле. И отбери часы.

– Как же я их отберу? Он накостыляет мне по шее.

– Не накостыляет. У Иосифа я видел двустволку. Отличное ружье! Повесь на плечо. Для понта. Только не заряжай патронами.

Может, Лупейкин говорил как-то по-другому. Наверняка выражения *забить стрелку* еще было не в ходу, как и слов «разборки», «заказал». Но то, что Адольф намекал на далекую Колыму, территорию зэков, помню точно. Ведь нашу деревню основали зэки, беглые каторжники с Сахалина. Их называли *сахалы*. Мой дед и дед Пыжика – самые настоящие сахалы. На левом плече у Лупейкина красовался кинжал со змеей, на груди – профиль Сталина. Но самая интересная татуировка украшала, как ни странно, ягодицы Адольфа. Мы, пацаны, старались

попасть в баню с Лупейкиным. По пятницам в деревне топили баню для женщин, по субботам – для мужиков. Так вот. На одной ягодице Лупейкина колымские золотодобытчики выкололи кочегара. На другой – кучу угля. При движении кочегар наклонялся и закидывал лопатой в топку уголь. Топка, понятно, по центру. Топка в виде кирпичного свода камина и язычков пламени, вырывающихся из… оттуда! Иногда, по просьбе собравшихся мужиков, Адольф прохаживался по бане, вихляя бедрами. Потрясающий эффект! Так вот откуда в нем горел огонь неугасимый! А вот слово «понты» уже звучало. Оно означает похвальбу. На самом деле понты – библейское понятие. Понтоваться – значит гордиться. А феня, или офеня, такой же древний язык, как и сама Библия.

*Л*упейкина я не послушал. Зарядил двустволку патронами с крупными пулями-жаканами. С ними охотники ходят на лося, волка или медведя. Патроны у отчима, заранее приготовленные, висели рядом с ружьем, в патронташе. На опушке леса мне встретился дядя Петя Мальков. Ружье висело за плечом. Стволы торчали над головой.

– Никак на охоту собрался, Шурка? – спросил дядя Петя.

Зимой он подшивал всей деревенской ребятне валенки.

– Да, надо бы зайчишек погонять, – солидно ответил я.

И добавил со знанием дела:

– По чернотропу.

Снег в тайге уже почти весь сошел. А белую шерстку на летнюю не все зайцы поменяли. И виднелись в ельнике издалека. Разумеется, ни Иосифа, ни маму я не оповестил о том, что забил стрелку Мишке Комку на Шпиле. Мы с малолетства ставили петли на зайцев. С мелкашками, мелкокалиберными винтовками, ходили на рябчика. Никого из взрослых наши занятия не беспокоили. Но что-то вызвало подозрение у дяди Пети. Наверное, несоразмерность моего роста и торчащих стволов тульского ружья вороненой стали. Он подозрительно долго смотрел мне вслед.

*К*омок уже ждал меня. Присвистнул от удивления.

– Ты ружьем меня, что ли, собрался пугать?

Я сдернул двустволку и щелкнул курками:

– Отдавай часы, Комок!

Мишка не дрогнул и пошел на меня, тесня к краю обрыва. Острые скалы и выступы, внизу темно-серые волны Амура. Я попятился к толстой лиственнице, корни которой наполовину обнажились и висели над пропастью.

– Опусти ружье, Куприк! – крикнул Комок. – Свалишься ведь со скалы.

На пологой стороне сопки затрещали ветки. Сквозь кусты багульника продирался Усманка Мангаев, старший брат Пыжика. Хусаинка за ним следом. Третьим бежал Иосиф. Дядя Петя сообщил маме о моем походе в тайгу с охотничьим ружьем, она побежала к Мангаятам – так звали братьев Мангаевых в деревне, те оповестили отчима. Теперь я уже не мог не выстрелить. Если я не выстрелю, значит, я испугался. Почти приговор. Комок, презрительно сплюнув себе под ноги, скажет Ленке Поликутиной и Лариске Тепленькой: «Забздел Куприк… Да у него и патронов не было!» Я уже знал закон пацанов: достал кастет – бей! Обнажил ствол – стреляй!

Его нам объяснил в свое время Лупейкин.

Мы Лупейкина считали своим, иннокентьевским, паханом.

На родном берегу. Деревня Иннокентьевка

Мыс Убиенного у нивхского селения Вайда

Я прижал приклад к плечу, вскинул стволы в небо и нажал разом два курка. Из двустволки, заряженной пулями на крупного зверя, я еще не стрелял ни разу. Дуплет! Отдачей ружье вырвало из моих рук, меня опрокинуло на край обрыва, и, падая, я вцепился в корни лиственницы. Я заорал, успев глянуть вниз. Так вот они какие – гибельные выси… Краешек выступа, на котором я устоял, крошился под ногами. Усманка выдернул из брюк ремень и завис над обрывом. Отчим держал его за ноги, Комок протягивал ружье, чтобы я мог схватиться за

приклад. Корни лиственницы выскальзывали из рук, вниз сыпались камешки. Хусаинка крикнул:

– Куприк, держись крепче!

Ремнем Усманка перехлестнул меня под мышками. Вдвоем с Иосифом они мгновенно, как перышко, выдернули меня из-под обрыва.

Отчим переломил двустволку и вытащил из стволов пустые гильзы.

Комок достал из кармана золотые часы «Мир» и швырнул мне под ноги:

– Забери! Правильно бабка говорит, что ты пацан *с припиздью*…

ПДС. Однажды, в солнечный день, мы шли с Лепским по Амурску – городу-спутнику Комсомольска-на-Амуре. Наверное, мы чем-то отличались от простых горожан. Навстречу нам шел подросток, лет 14–15. Кажется, он шел с субботника: на плече держал лопату. Он шел, упрямо сдвинув брови и не уступая дорогу. Мы посторонились, обернулись. Подросток смотрел на нас в упор, лопату он держал уже наперевес. Потом он сдвинул кепку, вытер лоб краем рукава и сказал:

– Главное – не бздеть!

Почему-то мы оба не можем забыть этот случайный эпизод. Анализировали его. Припомнили, что в тот день город справлял какой-то праздник, и мы, два корреспондента, шли принаряженные. Но мы совершенно точно ничем не угрожали пареньку. Лепский мне частенько говорит: «Помнишь, что самое главное?» И демонически хохочет.

Тоже мне – еще один смельчак нашелся.

Глава третья
Это мы, господи!

К Ленке за парту я не вернулся. Еще чего не хватало! Медаль мы Комку не отдали. Двустволку и патронташ с патронами отчим спрятал где-то в сарайке. Вопрос о моем переводе в магинский интернат решился бесповоротно. Кастеты, сворованная двустволка, неудачный дуплет… А тут еще мой песик по кличке Цабэрябый, с какими-то оспинами и редкими волосинками на морде, обеими лапами залез в тазик с икрой-пятиминуткой. Нажрался и опоганил все крыльцо. Икру мастерски солил отчим. Хотел продать на проходящие пароходы с туристами. Иосиф воспитательных бесед больше не проводил, за ремень не хватался, но каждый день значительно поглядывал на маму. Директор Иван Маркович мамино решение одобрил:

– Правильно, Клавдия Кирилловна! В интернате его приучат к дисциплине.

Интернат номер пять порта Маго еще недавно числился среди образовательных учреждений района спецприемником для детей *чесеиров* – членов семей изменников родины. Тетя Зоя, повариха, рассказывала о том, не таком уж и далеком, прошлом. Целый май, до конца учебного года, я занимался с Комком русским языком и арифметикой. Мишка, дважды второгодник, оказался способным и перешел в шестой класс. С твердыми, как сказал Поликутин, тройками.

*М*ы сильно сокрушались и сетовали: яркие события не коснулись нас, прошли мимо. Революция, Гражданская, потом война с фашистами… Продолжали с упорством муравьев строить штабы в кубриках брошенных кунгасов. Лепили свои гнезда из говна и палок. Мы родились через несколько лет после окончания Великой Отечественной. Медалями отцов играли в пристеночек. Медаль Георгия Ефимовича ловко разбивала стопочку монет – одна из трех медалей «За отвагу», с которыми учитель вернулся с войны. Любой пацан в те годы знал, что три медали «За отвагу» приравниваются к званию Героя Советского Союза. Ногу Георгий Ефимович потерял под Сталинградом. «Не досталось нам даже по пуле. В ремеслухе живи и тужи…» – спел Владимир Семенович. Не в ремеслухе, а в интернате. Интернат, в котором мы ели на завтрак рисовую кашу и обижались на то, что рис опять вьетнамский, прямой отголосок тридцать седьмого года. Скоро я найду в архивах документы про магинский спецприемник. И узнаю, что детей членов семей изменников родины в интернате кормили полугнилой хамсой. Рыбка такая, хамса. Красиво называется анчоус. Зачем детей кормили хамсой? Когда полон Амур кеты, сигов и калуги.

Чтобы дети врагов народа знали свое место.

Как в камере. У параши.

*О*тчим Иосиф, названный в честь Сталина, сын раскулаченного мельника. Здесь повторяюсь не случайно. Важно для дальнейшего рассказа. Однажды к нам на двор забрел старик-зэк. В разбитых сапогах и драной телогрейке… Меховая шапчонка. Возвращался, по амнистии, домой. Куда-то под Воронеж. Нищенствовал. Объяснил, что *тянул двадцатку* за вредительство колхозному строю. «Весной жгли прошлогоднюю траву, – пояснил, шамкая беззубым ртом, сиделец, – пал пустили по ветру. Ну, колхозный стожок и занялся…» Иосиф плеснул ему полстакана водки и протянул кусок хлеба, щедро намазанный икрой. Сидели во дворе за первомайским столом с соседями, Мангаевыми. «Выпей за наш советский Первомай!» – сказал Иосиф. Старик отказался: «Нельзя мне, кормилец. Все нутро отбито… Домой помирать иду. А хлеб возьму. Ягода какая-то… соленая! Не ел такую. С миру по нитке – голому рубаха!»

Отчим втаптывал зэка в весеннюю грязь. Приговаривал: «Сука! За наш Первомай он выпить не хочет! Они добро колхозное жгли, а нас из-за таких в болотах заживо гноили!» Ман-

гаевы еле отбили зэка от озверевшего отчима. С разорванной на спине телогрейкой старик убегал по дороге в лес, на ходу давясь маминым пирожком. Боялся, что отнимут. Под телогрейкой ничего. Ни свитерка, ни рубахи. Голое тело. Только крестик болтался на шее. Через два дня старика нашли на горе Шпиль. Повесился на лиственнице. Мама сказала мне, что повесился другой зэк. Их тогда много возвращалось из лагерей. Забредали в деревни. Но я узнал его. По фиолетовой, расплывшейся на спине татуировке. И по крестику на простом ремешке. Уже почти сгнившем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.